

Валерий БАРАБАШОВ

ОПЕРАЦИЯ «ПЕПЕЛ»

Справедливое возмездие — святое дело...

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Любимый детектив. Сделано в СССР

Валерий Барабашов

Операция «Пепел»

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6

Барабашов В. М.

Операция «Пепел» / В. М. Барабашов — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Любимый детектив. Сделано в СССР)

ISBN 978-5-4484-5317-5

В книгу известного воронежского журналиста и писателя, мастера остросюжетного жанра Валерия Барабашова вошли два его детективных романа «Душегуб» и «Операция „Пепел“». В первом из них – в сельской местности орудует местный «Чикатило». Бывший зэк с тюремным погонялом Реут, водитель грузовика, снова взялся за старое. Разъезжая по делам, приглашает в кабину молодых женщин, насилует их и убивает... Во втором – скорый поезд «Русь» идет по обычному расписанию. Тем временем на его борту одно ЧП сменяет другое: убиты две проводницы, на свободе оказываются заключенные из спецвагона, два наркомана выбрасывают из кабины локомотивную бригаду и сами ведут поезд, а террористы задумали жуткое – взрыв во встречных поездах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-5317-5

© Барабашов В. М., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Душегуб	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валерий Михайлоич Барабашов

Операция «Пепел»

© Барабашов В.М., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

Душегуб

1

Ворота колонии закрылись за Реутом с протяжным ржавым скрипом. Николай постоял рядом с ними, покурив, чувствуя на себе взгляд охранника (тот наблюдал за ним в небольшое окошко), заново привыкая к воле, к воздуху свободы, к тем забытым уже мелочам бытия, на которые обычный гражданин не обращает внимания, а бывший теперь зэк – в первую очередь. Колония с ее высоким бетонным забором и колючей проволокой, вышками и собаками, со строгим режимом и непроходящей тоской обитателей была сейчас за спиной Реута, и он даже с некоторым любопытством оглядывал ее внешние очертания, тот же забор и проволоку, крыши зданий, какие хорошо изучил за четыре года отсидки, вышки, прислушивался к стукам, идущим из-за железа ворот. Впрочем, звуков особых не было: прогудел мотор машины, прошаркали по асфальту двора чьи-то торопливые шаги, лязгнул засов. Жизнь колонии, скрытая от посторонних глаз, но хорошо знакомая Реуту, шла размеренно, по давно заведенному распорядку. Сейчас, в этот момент, зэки сидели в столовой, угрюмо хлебали привычную баланду, а между столами прохаживались контролеры, зорко поглядывая по сторонам. Реут на обед не остался, не захотел, тюремная еда обрыдла, комом стояла в горле, думать о ней просто не хотелось. Он решил, что перехватит на вокзале каких-нибудь пирожков, попьет лимонаду или этой химии с иностранными наклейками, перебеется. Очень уж хотелось за ворота. А к вечеру он в любом случае будет дома: поезд из Придонска до Бабурина, родного его райцентра, идет часов пять, не больше, ну и до Придонска тут на электричке минут сорок...

Покурив, Реут неторопливо пошагал по грязной улице, огибавшей колонию, невольно прижимаясь к стене-забору. С утра прошел сильный дождь, асфальт был в лужах, тротуара в этом месте улицы не наблюдалось, и Николаю пришлось вышагивать по грязной и скользкой обочине. Дорогу к вокзалу он спросил у встречного мужика, тот, хмуро глянув на него, сразу признал в нем бывшего заключенного, неприязненно ткнул в ту сторону, куда Реуту надо было идти. Возможно, этому мужику уже приходилось отвечать именно на этот вопрос: жил, наверное, где-нибудь неподалеку от колонии, часто ходил этой грязной улицей, встречал выпущенных на свободу грабителей, убийц и насильников, отсидевших положенное, устремлявшихся теперь к железнодорожному вокзалу с тем, чтобы поскорее уехать из опустылевшего города, забыть о потерянных годах жизни и никогда сюда не возвращаться.

Так или примерно так думал каждый, за кем закрывались ворота колонии, но часто случалось, что не проходило и полгода, как ворота для иных снова гостеприимно распахивались, снова этот человек натягивал на себя тюремную робу – таких на памяти Реута было несколько.

Сам же Николай возвращаться сюда не собирался. И личный опыт, и опыт других лихих людей, с кем он делил тяготы отсидки, убедили его в том, что можно совершать преступления, которые никогда не будут раскрыты. Во всяком случае, в этом его убеждали. Надо только все делать с умом и холодным расчетом, а главное – не оставлять следов и свидетелей, не жалеть их. Если бы он тогда, четыре года назад, не пожалел красотку, не отпустил ее из своей машины...

Пожалел. Поверил, что она никому ничего не расскажет, – ведь сама же, стерва, напросилась в кабину, сама просила выпить и растелешилась, можно сказать, сама. А потом... Потом, на допросах и очных ставках, заявила следователю, что Реутов Николай Владимирович, который подвозил ее до Бабурино, взял ее силой, всячески унижал и измывался над ее женским и человеческим достоинством, требовал извращенного секса.

Судья, как всякая женщина, была на стороне этой стервы, Светланы Дольниковой, медсестры их райбольницы, сочувствовала ей, особо не прислушивалась к тому, что говорил в свое оправдание Реутов. А ведь было смягчающее его вину обстоятельство: они договорились с Дольниковой побаловаться за деньги, он обещал ей двести рублей, и она исполнила все его прихоти. Но потом, не заплатив, он просто выпихнул ее из кабины и уехал.

Дольникова написала заявление в милицию, и Реутова на следующий день взяли.

Вспомнив сейчас обстоятельства дела, Николай невольно скрипнул зубами, злобно выругался. Хотя ругался он и по другой причине: нога скользнула на какой-то твердой кочке, и он едва не упал. Не хватало еще растянуться в этой дорожной холодной грязи, тогда вообще был бы черт знает на кого похож. Надо внимательнее смотреть себе под ноги. Не лето, середина ноября, самая слякотная, пакостная пора – низкое серое небо, то ли дождь, то ли снег сверху сыплется, ветер, холод...

Да, надо было с этой Дольниковой как-то по-другому поступить. Пообещать ей, что деньги вскорости отдаст, всучить «аванс» – полсотня у него была. И вообще, помягче с ней обойтись, поласковее, похитрее. Но кто же знал, что она побежит в ментовку?! Хотя, конечно, можно было предположить, что обманутая и обиженная деваха попытается как-то ему отомстить. Однако в машине она ничего ему не говорила, а крикнула потом, когда он вытолкнул ее из кабины: «Скотина! Ты об этом пожалеешь!..» Ну, это же обычные слова, обычные угрозы. Так бы любая сказала на месте Дольниковой. В самом деле, двести рублей для медсестры – деньги. Может быть, это ее зарплата, во всяком случае, хороший приработок. Но давать деньги этой случайно севшей в его грузовик девахе Реут не собирался, он просто хотел, чтобы она не сопротивлялась, не мешала ему.

Просчитался он, просчитался. Не на ту напал, увы.

За полчаса удовольствий – четыре года колонии строгого режима. Многовато. Слишком дорогая цена. Суд, конечно, мог и построже наказать, отмотать ему по насильнической статье на полную катушку, но помог Реуту его адвокат, совершенно справедливо говоривший на заседаниях суда об этой стерве Дольниковой – с какой целью села она в машину подзащитного и как себя вела.

Дольникова, однако, стояла на своем: она попросила Реутова просто подвезти ее до Бабурина, ни о каких деньгах за сексуальные услуги речь не шла, повода к приставаниям она не давала. Он изнасиловал ее, причем в извращенной форме. Вот и все.

Не иначе, Дольникову кто-то подучил, как вести себя на суде. Она отрицала очевидные вещи, ни в чем порочащем ее не сознавалась, врала. Судья это чувствовала. И снизила-таки Реуту срок. А так бы ворота колонии закрылись за ним еще года через три.

– С-с-с-су-ука! – прошипел Реут, до мельчайших подробностей вспомнив сейчас тот поздний, такой же слякотный осенний вечер, когда он возвращался с грузом из областного центра домой, одинокую фигурку женщины на развилке дорог, ее отчаянно машущую руку. Так же моросил дождь, «дворники» на стекле его бортового ЗИЛа работали вовсю, мягко гудела печка. В кабине было тепло, играла музыка, ехал Реут с комфортом. Тепло и своеобразный шоферский уют его слегка расслабили, захотелось чего-то большего. Со стен кабины на него смотрели фотографии красоток, принявших самые завлекательные позы, они возбуждали в нем повышенный ток крови. «...Ах, какая женщина-а, мне б таку-ую...» – томно пел по радио также страдающий от одиночества самец, и Реут был с ним в этот момент полностью солидарен.

И вот она стоит на обочине, машет рукой, просится к нему в кабину. Как не взять?!

Голубенький плащ, белая вязаная шапочка, колготки на озябших круглых коленях, туфли на толстой подошве, белая же сумка в руках, серые смешливые глаза, ярко крашенные губы – это и была Светлана Дольникова.

Она залезла в кабину, захлопнула дверцу, ахнула радостно:

– Боже, какая теплынь! Едешь как король. А я тут уже минут сорок стою. Машины – как провалились куда-то. Или не останавливаются. Вот козлы! Видят же: контактная девушка, одна на дороге, замерзла... Брр-р-р... Слушай, дай закурить, а? До костей пробрало. В капрончике же.

Реут подал ей пачку «Стюардессы», замороженно смотрел на толстые губы девушки, на то, как они ловко и умело справляются с зажженной уже сигаретой, на красивый маникюр, а фантазия рисовала уже нечто иное.

Тронув машину, Реут как бы по делу полез в бардачок, ненароком тронул локтем мягкие колени девушки, и она не отодвинулась, не проявила никакого недовольствия по этому поводу. Он понял, что пассажирка его – человек без особых комплексов, в самом деле легко идущая на контакт, с нею можно не церемониться, смело заводить любовную игру.

Николай назвал ее, спросил и ее имя, прибавил в кабине тепла. Ехал неспешно, прикидывая в уме, что минут через десять – пятнадцать можно будет остановиться в молодом сосняке за Богодуховкой. Там машину с дороги не видно и не мешает никто. Лишь бы Светочка эта не возражала.

Светочка и не возражала.

Они удивительно быстро нашли общий язык. Уже через пять минут, когда в кабине стало жарко, она расстегнула плащ, откинулась в вольной позе к спинке сиденья, блаженно произнесла:

– Ну, Ташкент. Натопил ты, Коля.

– Стараюсь. Для тебя. – Он смело положил правую руку на ее колени, попытался раздвинуть их. Она зажала его ладонь.

– Деньги нужны, Светик? – прямо спросил он. Она помедлила.

– Сколько дашь?

– Пятьдесят. В рублевом исчислении.

– Фи-и...

– Сто?

– Не-а. Что я тебе – путанка солдатская, что ли?

– Сто пятьдесят?

– Уже теплее.

– Ладно, двести.

– Накинь еще полсотенку.

– Нет больше, Светик. Дал бы, честное слово!

– О'кей. На нет и суда нет.

Она раскрыла колени, полулегла, и пальцы Реута зашевелились, заработали, заскользили по капрону. Капрон, конечно же, мешал, но Реут не торопился, оглаживал и ощупывал то, что было под ним, испытывая при этом нарастающее наслаждение. Одной рукой он вел грузовик на небольшой скорости, а другая занималась своим, не менее важным и ответственным делом.

Светочка тихо постанывала, нежная работа мужской руки и ей доставляла радость, она сама уже подняла джинсовую юбочку, оголила живот, как бы приглашая своего дарителя наслаждения быть посмелее и не стесняться. Реут, впрочем, и не стеснялся. Поглядывая на дорогу, хорошо освещенную сильным светом фар, он правой рукой стягивал со Светочки белье, постепенно обнажая белую рогулину ее согнутых в коленях ног, жадно вдыхая аромат молодой женской плоти.

– Я чистая, Коля. Я сегодня утром купалась, – подбадривала Светочка, не открывая глаз, давая ему возможность видеть то, что он хотел видеть, не мешая ему. В кабине от отраженного света фар и включенных приборов было довольно светло. Реут любовался видом женского интима, ухоженностью лобка, но больше все же доверялся своим пальцам, трогающим заветную струну любовной арфы, чувствуя, что находит ее точно и мелодию играет верную.

От избытка чувств и переполнившей ее страсти Светочка и сама уже проявила инициативу, потянула вниз замок на брюках Реута. Теперь мелодию любви они играли в две руки, слаженно и вкусно, вводя друг друга в состояние, близкое к помешательству.

ЗИЛ выделял на дороге если не кренделя, то слаломистские зигзаги, это было опасно, и у Реута хватило ума свернуть на обочину, остановить машину. До Богодуховки оставалось километра четыре, но терпения уже не было.

Затормозив, он схватил голову Светочки, притянул ее к своим коленям и уже через минуту почувствовал, как радостно и бурно освобождается от томления его плоть, как поет тело и торжествует душа. Ликование это было легко объяснимо: победа над женщиной оказалась такой простой, примитивной. Стоило лишь пообещать ей денег, приголубить.

Светочка, войдя в экстаз, требовала и для себя сладкого завершения их любовного дуэта. Она извивалась, стонала, ловила руки Реута, целовала их. Вскрикивала:

– Коля! Коленька!.. Ну что же ты?! Сделай и мне, я тебя прошу! Я тебя умоляю! Я сейчас умру!

Она повернулась к нему белой своей рогулиной, надвигалась и надвигалась жарко дышащим вулканчиком любви, а он, перегоревший, получивший свое, остывающий и уже равнодушный к этой похотливой бабенке, наоборот, отодвигался в угол кабины, похотывал:

– Да ты что, Светик? На дороге стоим, машина вон встречная идет. Погоди, успокойся. Отъедем сейчас... соснычок впереди...

– Я не хочу успокаиваться, Коля! Я тебя умоляю, родненький! Ну сделай же что-нибудь!

«Родненький» сбрасывал с себя ее руки, по-прежнему вжимаясь в угол кабины, с некоторым даже страхом смотрел на извивающуюся в любовных судорогах женщину, немного жалея, что связался с этой дурочкой – у нее явно не все дома. Оголодавшая кошка, а не баба. Сейчас подерет всего, чего доброго.

Реут выскочил из кабины, постоял возле машины, покурил. Светочка выла в кабине, проклинала его на чем свет стоит, что-то там швыряла.

Потом стихла, стала одеваться.

Минут пять спустя постучала в стекло согнутым пальчиком:

– Эй! Поехали!

Реут залез в кабину, завел мотор.

– Ну, успокоилась? – вполне дружелюбно и сочувственно спросил он.

Светочка промолчала. Но он чувствовал, что она все еще накалена, что готова взорваться в любой момент, наговорить кучу гадостей. Лучше ее не трогать.

В Бабурине, у железнодорожного переезда, она уронила глухо, с неприязнью:

– Останови. Мне здесь близко. И деньги давай.

– Какие деньги? – он сделал непонимающее лицо.

– Двести рублей. Как договаривались.

– Ну... Ты понимаешь, Света, у меня сейчас нет. Я...

– Мразь! – отчетливо и с такой ненавистью произнесла она, что Реут невольно пожелелся. – И меня измучил, и денег теперь не даешь. Подонок!

– Я отдам, я... – Реут неожиданно для себя ударил пассажирку. Он никому не прощал оскорблений.

Светочка охнула, схватилась за лицо, рывком открыла дверцу, спрыгнула на землю. Крикнула:

– Ты об этом пожалеешь, тварь!

И – пропала, растворилась в темени.

А Реут поехал домой. Вернее, поставил сначала ЗИЛ на базе райпотребсоюза, где и шоферил, а потом уже пошлепал ночными улицами Бабурина в дом сожительницы Галины, к которой прибился на жительство сразу после службы в армии. Галина, разведенка, имевшая

восьмилетнюю дочку, работала на той же базе товароведом, «пожалела» рослого дембеля, пригостила, оставила у себя жить. Дом у нее был большой, места хватало. Справляли как-то на базе Новый год, коллективно дружно выпили и закусили, почти всю ночь протанцевали под магнитофон. А потом Реут напросился Галине в провожатые...

Утром Галина похвалила его ночные старания:

– А ты молодец, Реутов. Где так научился?

– На курсы ходил. Платные, – буркнул он, стараясь не смотреть Галине в лицо. Утром она была совсем не такой, как вчера, казалась еще старше.

Галина затормошила его, повернулась на бок, требуя, чтобы и он лег так же, снова потешил ее.

Скрипнула дверь спальни, вошла девочка – в розовом коротком платьице, с лентами в руках. Галина с Реутом замерли, не разъединяя тел, притворились, что спят. Но девочка, видно, слышала их голоса, сказала капризно:

– Мама, завяжи мне бантики, у меня не получается. – Галина лежа выполнила просьбу дочери, легонько подтолкнула ее к двери:

– Иди, мы еще поспим.

– Это мой новый папа, да? – спросила девочка.

– Катька, ну какая же ты вредина! – в сердцах произнесла Галина. – Мы еще сами ничего не решили, а ты уже лезешь с расспросами.

– Как же вы не решили, если вы вместе спите! – резонно и с большим удивлением отвечала девочка Катя.

Этим же утром Галина с Реутом договорились: поживем так, без регистрации. А там видно будет.

Зарегистрировались они год спустя, но оставили каждый свою фамилию. Реут не захотел удочерять девочку Катю, а Галина не стала переделывать документы на то имущество, которое имела на момент нового замужества. Так спокойнее.

...В вагоне электрички народу было немного – середина дня, все, кому надо было уехать в город, уехали утром, а сейчас на сиденьях разместились по три-четыре человека, которые, надо думать, никуда особенно не спешили.

Против Реута разместились две молоденькие девицы. На попутчика они не обращали никакого внимания, вполголоса обсуждали какие-то свои проблемы (Николай понял, что это студентки техникума), время от времени заразительно смеялись. Зато он обсмотрел их как только мог. Вид здоровой юности, аппетитные круглые коленки, нежные лица снова напомнили ему, кто он такой, куда и откуда едет, за что сидел. Обида и злоба на Дольникову не прошла за все эти минувшие годы, наоборот, усилилась, а душа Реута ожесточилась. Он знал, что будет мстить теперь всему женскому полу, что обязательно отомстит и Светочке Дольниковой, но так, чтобы снова не угодить за решетку, чтобы она только в последний миг своей жизни поняла, за что наказана и не успела бы никуда об этом сообщить.

«Пожалеешь и ты, шлюха драная, – думал он, хмуро оглядывая девиц-попутчиц. – И вообще весь ваш бабий клан пожалеет. Вы еще вспомните Колю Реута и содрогнетесь в ужасе, сики потные. Когда в глаза вам будет смотреть смерть, когда из вас будет выходить последний вздох... А для тебя, Светочка, я придумаю что-нибудь из ряда вон. То, что вообще еще в голову никому не приходило. Жди!»

Девушки что-то почувствовали, что-то им не понравилось в облике этого угрюмого молодого мужчины с короткой стрижкой и с татуировкой на руках (они наконец-то и на него обратили внимание) – очень уж тяжел был его пронзительный, ненавидящий взгляд, очень уж говорящими были его темно-карие, почти черные глаза.

Студентки поднялись, пересели на другие места, в середине вагона, а Реут лишь усмехнулся про себя. Что ж, для начала неплохо, начало обнадеживающее. Эти сидушки одного

взгляда его испугались, а что бы они чувствовали, ощутив у себя на шее удавку или увидев остро заточенную финку...

Погодите, фемины, вы это еще почувствуете.

2

Галина встретила его довольно сухо. На лай собаки выглянула в окно, потом вышла на крыльцо, смотрела, как Реут идет по двору, придерживала рукой полы теплого домашнего халата. За минувшие четыре года Галина растолстела и подурнела. Годы брали свое: или «убивалась» по своему мужу-тюремщику, или просто ела без меры – кто ее знает.

Николай подошел к крыльцу, снизу вверх смотрел на жену, на ее толстые голые ноги, на пышную грудь и обвисший подбородок.

– Ну что молчишь-то? Язык от радости проглотил? – грубовато спросила Галина, убирая с лица прядь серых прямых волос. – Здравствуй хоть бы сказал.

– Здравствуй. – Он судорожно проглотил комок в горле, стоял не двигаясь.

– Что ж не сообщил? Я бы встретила.

– А чего сообщать?! Приехал вот. Ты же знала примерно дату освобождения.

– Знала. Ладно, заходи, холодно стоять.

Он поднялся на крыльцо, Галина ткнулась ему в плечо, коротко и ненатурально как-то всплакнула. Реут погладил ее по спине, вдыхал забытый уже запах волос, прижимал к себе раздобревшее мягкое тело. Никаких особых чувств к этой женщине он не испытывал, молодой любовный угар давно прошел, осталась, наверное, привычка, понимание того, что пришел он все-таки к жене, к женщине, с которой прожил в общей сложности семь лет, которая ждала его из тюрьмы и теперь, несмотря на позор, не гонит прочь. А то, что сурово встречает – что ж, не героем с войны явился муженек в ее дом, а с отсидки, да еще по такой позорной и оскорбительной для любой жены статье, какая тут радость?! Зовет в дом – и за это спасибо. А другая бы спустила собаку и от ворот поворот, иди куда хочешь.

Нет, Галина – баба верная, даже приезжала к нему в колонию на свидание, харч привозила, спрашивала о житье-бытье, помогала морально. Хотя в первый год очень сердилась, не могла простить Реуту Светку Дольникову. Но когда он рассказал ей подробности, Галина малость успокоилась. А потом и в колонию заявила, свидания добилась.

Реут вошел в дом, огляделся. Мало что тут изменилось: те же обои, что и четыре года назад, те же шторы-занавески. Только батареи парового отопления в другой цвет покрашены да новая «стенка» в зале появилась. Ну и ковров, пожалуй, прибавилось. Ковры были слабостью Галины.

– Садись, рассказывай. – Она и сама села в кресло у телевизора, смотрела на него испытующе, внимательно. Что-то в ней было новое, незнакомое, Реут даже встревожился. Но Галина просто привыкала к новому положению вещей, прислушивалась к себе, не зная, видно, как поступить окончательно. Можно, конечно, и принять на первых порах, поговорить, а потом...

– А что рассказывать, Галюшь? – дернул он плечом. – Одно и то же каждый день: подъем ни свет ни заря, бесконечные построения, проверки... Работы в зоне почти нет, маялись мы от безделья и безденежья. Сидеть сейчас тяжело, жратва сама знаешь какая.

– Ну, не на курорте был.

– Да я что, я понимаю, – уныло соглашался он, как бы нащупывая ее настроение, желая понять ход мыслей Галины. Хорошо понимал, что она вполне может сказать через пятнадцать – двадцать минут: «Ну, Коля, поговорили мы с тобой... Спасибо, что пришел проведать, не забыл... А теперь выметайся. Жить мне с тобою дальше не с руки, опозорил ты меня дальше некуда. Какая может быть с насильником жизнь?!»

– Про Светку что ж не спрашиваешь?

– А чего про нее спрашивать? – Реут поднял на Галину удивленные глаза. – С ней что-то случилось?

– Чего с этой телкой распутной может случиться?! – усмехнулась Галина. – Замужем была, ребенка нажила. Теперь снова одна. Там же, в больнице, работает.

– Ну и бог с ней. – Реут вздохнул, опустил голову. Говорить о Дольниковой он не хотел. Тем более выказывать какие-то намерения в ее отношении. Никто не должен знать его мыслей, никто! Даже собственная жена! Вон как настороженно встречает его, как чужого. Вполне возможно, что ее свояк, Юрка Малыгин, который служит в их райотделе милиции, предупредил: ты, мол, Галина, только мигни, если что, мы твоего рецидивиста скрутим в бараний рог в один момент. Теперь за ним во все глаза следить будем.

– Кто же у нее? – нейтрально спросил Николай, чтобы поддержать разговор. – Ребенок-то. Мальчишка или девка?

– Девчонка. Три года уже. Видела как-то их на улице.

– Здоровается Светка?

– Нет, отвернулась.

– Бог с ней, – повторил Реут. – Хотя сучек таких... – он скрипнул зубами, потемнел лицом.

– Ты ее не трогай, Коля, не вздумай! – заволновалась Галина. – За тобой теперь сильный погляд будет. Что с ней случится – с тебя первого спросят.

– Что я, маленький, не понимаю?! – Реут стал нервно закуривать. – Пусть живет, пацанку свою растит. Мне снова на зону идти запаadlo, хватит. Но я тебе, Галюсь, и тогда, и сейчас говорю: ни за что она меня посадила. Дал бы денег за ее блядские штучки, и все было бы тип-топ. А так... – Он тяжело вздохнул, провел рукой по стриженным волосам. – В баню бы сходить, попариться. Спал и видел: полок, веничек, пивка бидончик... Ах!

– А чего ходить, я же ванну поставила.

Галина засуетилась, повела его в пристрой – большую комнату, обложенную внутри кафелем, где на зависть любой женщине стояла просторная круглая какая-то ванна. Да и сама комната удивляла размерами. Тут стояла и стиральная машина, и стол для глажки белья, и шкафчик, и даже трюмо.

– Ну, Галюсь, ты даешь, – не сдержался от похвалы Реут. – Тут у тебя танцевать можно. Дорого стало – пристроить-то?

– А, один раз живем, – легко махнула она рукой. – Раздевайся, сейчас я тебе воду нагреею. Это быстро.

...Накупавшись, Реут, розовый и посвежевший, чинно сидел за столом, попивал водочку и уминал домашнюю закуску. Галина, подпершись кулаком, смотрела, как он ест, подкладывая ему куски послаще, вздыхала каким-то своим мыслям. Говорили они мало, все было понятно, а тратить слова попусту им обоим не хотелось.

Пришла с каких-то вечерних курсов Катя. Реут поначалу и не узнал падчерицу. За четыре года она выросла, превратилась в девушку. Красотой Катя не блистала, наоборот, стала больше походить на мать: такая же скуластая, с крупными чертами лица, вся из углов и резких движений. Совсем портили Катю крупные несуразные веснушки, они прямо-таки лезли на нос и щеки, портили девушку окончательно. Катя по этому поводу явно комплексовала, все старалась сесть так, чтобы отчиму открывалась меньшая часть ее лица, чтобы на него падала от абажура тень. Наверное, Галина провела с дочерью какую-то подготовительную беседу, потому что Катя ничуть не удивилась, когда увидела Реута за столом, сказала вежливо:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Катюша.

Он хотел встать, поцеловать ее в щеку, но не посмел. И девочка уже большая, да и сказала она свое «Здравствуйте» холодно, отчужденно. Кажется, отношения их придется строить

заново. До отсидки Катя уже стала называть его папой, он сам настаивал на этом, а теперь вот... Да, бывший зэк, насильник, от этого никуда не денешься, ярлык на девушку явно подействовал.

– Как дела? – спросил он, и Катя односложно ответила:

– Хорошо.

– В каком же ты классе?

– В восьмом.

– Да-а, большая ты у нас, Катюха, большая стала. Вон вымахала, мать догоняешь. Нравится учиться?

– Нравится.

– Кем же после школы будешь?

– Мамой.

– Кем-кем?!

– Ну я же сказала. – Катя улыбнулась, озорно глянула на Реута, ушла в свою комнату.

Он непонимающе смотрел на Галину.

– Это она так, блефует, – сказала та. – Нервничает. Веснушки эти какими только мазями не выводила. Переживает. Никто, говорит, из ребят на меня даже не смотрит. Возраст, дружить с парнем, наверное, хочется.

– Это все пройдет, – уверенно заявил Реут. – Я пацаном тоже конопатым был. А сейчас куда все делось.

– Вот и я ей про то же... – Галина переменила тему. – Работать, Коля, куда пойдешь? Снова к нам?

– Если возьмут.

– Возьмут. Я говорила уже с Гавриловым. Мы новый ЗИЛ купили, шофер нужен.

– Это из-за тебя берут. Шоферов навалом.

– Ну, может, и так. Какая тебе разница?! Сейчас с работой сам знаешь как. Без блата никуда.

– Должник я твой большой теперь, Галина Ивановна. Из тюрьмы приняла, грехи простила, на работу устраиваешь.

– Муж ты мне, Коля. За чужого чего бы я хлопотала?

...В постели Галина неожиданно молодо потянулась, обвила шею Реута горячими руками.

– Ой, я уже и забыла мужика-то, Коля. Четыре года прошло, господи. Там, в колонии, мне ведь не разрешили оставаться с ночевкой, помнишь?.. А ты как без бабы обходился?

– Да обходился, – не стал распространяться Николай. Да и что бы он ей рассказал? О мужеложстве? О зоновских «машках»?.. Но он, конечно, догадался, почему она спрашивает именно об этом. Помнила же, наверное: мужской силушки у Реута – на пятерых. А таким, как он, на зоне особенно тяжело.

Он ничего ей не сказал. Зачем бабе знать о всяких тюремных гадостях? Что было – быльем поросло. Самому вспоминать неприятно.

– Обними меня, – попросила Галина. – Поласкай, если не разучился. А я так по мужику соскучилась.

– Вообще по мужику? Или все же по мне?

– По тебе, по тебе! – Она льнула к нему большими своими грудями. – А ты что-то... Не испортили тебя там, Николай? Дай-ка проверю. Ха-ха-ха...

– Да что проверять! – Он принял ее игру. – Помогла бы чуток. Ты бы... как Моника попробовала, а, Галюсь? Уважь!

Галина брезгливо фыркнула:

– Еще чего! Начитался там, на зоне, про чужие похождения.

Помолчала, сказала с прежним, примирительным смешком:

– Да и ты не Клинтон. Чего ради стараться-то? Новое платье все равно не купишь. Ха-ха-ха...

Любовь у них получилась в этот раз какой-то пресной, без огня и фантазий, оба остались недовольны. Галина казнила себя потихоньку – это она, она виновата, засушила их первую после долгой разлуки встречу, вела себя неправильно. Но стояла перед глазами проклятая эта Дольникова (а ведь смазливая бабенка, ничего не скажешь!), которая отняла у нее мужа и тогда, в машине, и еще на четыре года. Да и он, конечно, хорош жеребец, рассупонился, кинулся на первую встречную...

Чтобы растопить ледок отчуждения, Галина выложила главный свой козырь:

– Коль, а я ведь машину купила!

– Да?! А какую?

– «Жигули» шестой модели, какую ты хотел. И цвет твой – «Пицунда» называется, «морская волна».

Реут вскочил с постели.

– Вот это да! Молодец! Покажи, где стоит.

– В гараже, где же еще?

– Идем глянем.

– Прямо сейчас? Среди ночи? До утра не можешь подождать?!

– Да, невтерпеж. Идем.

– Погоди. – Она стала рядом с ним, прижалась, обхватив его за талию. – Скажи: любишь? Хотел к нам с Катькой вернуться?

– Конечно, – ответил он на второй ее вопрос. А про любовь говорить не хотелось. Точнее, врать. Какая к черту любовь? Ему – двадцать девять, ей – на двенадцать лет больше. Толстая, жирная баба, чужой ребенок... Все здесь, в этом доме, для него чужое, а своего нет, не заработал.

Как был, в трусах и майке, сунув ноги в сапоги, Реут пошлепал по мокрому двору в гараж. Галина, накинув пальто, поспешила за ним, позвякивая ключами. Сердце ее царапала обиженная кошка: «Не сказал ничего, не любит, значит. А я-то, дура, расстаралась, машину купила, сюрприз приготовила к его освобождению».

Красавица «Лада» стояла перед ними как на выставке: новенькая, сверкающая свежей краской и никелированными частями. И даже с номерами.

Вот это тачка!

Реут обошел машину, погладил ее, открыл дверцу, сел на водительское место. Галина подала ему ключ зажигания, он завел мотор, послушал. Вырвалось невольное:

– Класс! Как часики.

– Кто же пригонял? – спросил он минуту спустя.

– Юрка Малыгин, кто же еще. Хотела наших кого-нибудь попросить, а потом подумала, что номера еще получать, то да се, двух мужиков просить... А это свояк, в милиции работает, ты же помнишь. Ну, он все и сделал.

– А записала на кого?

– На себя, на кого же?! Тебя не было... и вообще, – прибавила Галина через неловкую какую-то паузу.

«Ну, вообще так вообще, – мрачно подумал Реут. – Будем ездить, ладно. А чё? Тачка классная, пригодится. Сама Галина в ней ни бум-бум, Катька маленькая еще, никто тут, кроме меня, и не справится с „жигулем“».

... Дня через два наведалься к ним и сам Малыгин, капитан милиции. Руки Реуту не подал, поздоровался издали, от порога, потоптался, ожидая от свояченицы Галины приглашения. Та не заставила себя ждать, позвала Малыгина в зал, к круглому, под розовым абажуром столу, на котором в мгновение ока появилось вино и закуска.

– Юра, ты бы китель снял, у нас жарко, – предложила она. Но Малыгин избавляться от мундира не захотел, на рубашке у него погон не было, а он желал, чтобы бывший зэк и одновременно родственник видел перед собой милицейские звездочки постоянно. Для профилактики.

Реут все это хорошо понял, внутренне усмехнулся, но вида не подал, что малость оскорбился поведением гостя, старался вести себя естественно. Понимал, что Малыгин против того, чтобы он, безродный зэк, жил тут, с его свояченицей, состоятельной дамой и примерной матерью, но что поделать – прикипели они отчего-то друг к другу, Галина и Николай, вон и отсидка их не разлучила, придется мириться с этим обстоятельством, сидеть с Реутом за одним столом.

Они не чокаясь выпили, и тут же капитан Малыгин завел разговор о работе Николая.

– Вопрос решен, Юра, – перебила его Галина. – Коля вернется к нам, в райпотребсоюз, я договорилась.

– Ну хорошо, тебе виднее, – бухтел Малыгин, наливаясь уже бурой алкогольной краской. – У вас так у вас. Главное, чтобы при деле был. Я, конечно, не участковый, не мое это дело, бегать и спрашивать, где кто работает или... гм... бабки незаконно сшибает. Я так, по родственному... Налей-ка еще, Галина Ивановна. Уж больно мягкая водочка, сама в горло катится...

Выпив, поучал Реута:

– Ты о Галине подумай, Николай, сколько она для тебя сделала. Золото ведь, а не баба. Ты на все готовое пришел, из тюрьги тебя ждала, тачку какую купила! Эх! Живи не хочю. А переживала за тебя!..

– Ладно, Юра, что ж теперь, – вступилась Галина, понимая, что солдафонская эта прямота – нож в сердце Николая. – Не маленький он, в самом деле. Научен теперь. Снова туда кому охота?

– Да я так, по долгу службы, – помягчел Малыгин. – Да и чего нам реверансы друг перед дружкой делать? Я пекусь, Галя, чтобы у вас все хорошо было... Ладно, налей еще по пузатенькой...

3

Зиму Реут прожил-проработал тише воды ниже травы. Гонял на своем бело-голубом ЗИЛе по всей бабуринской округе, не раз бывал в областном центре, возил все, что и нужно и можно было увезти на мощном и послушном грузовике. В райпотребсоюзе и у соседей он слыл надежным человеком, который охотно откликнулся на просьбы, ни в чем никому не отказывал. Галина нарадоваться не могла на своего муженька – значит, не ошиблась она, отсидка пошла Николаю на пользу. Конечно, ничего такого она в глаза Реуту не говорила, но думать – думала.

И дома все у них было хорошо. Николай души не чаял в «жигуленке», возился с ним в свободное время, все чего-то подкручивал и регулировал, а потом ехал на трассу, проверял работу двигателя, того или иного узла. И с Катькой у них наладились отношения, Николай взялся обучать ее шоферскому искусству, в выходные они уезжали куда-нибудь покататься, благо накатанных полевых дорог вокруг Бабурина было полным-полно, сельская все же местность, да и прилегающее к райцентру асфальтовое шоссе по выходным практически пустовало.

Папой Реутова Катька звать не стала, обращалась к нему в шутливой форме, на французский манер – Николя. Галина поначалу осерчала на дочь – что еще за «Николя»? Называй отчима по имени-отчеству, в конце концов, или «дядя Коля», но девчонка упрямилась, сказала, что так звать – слишком официально и глупо, а Николя – весело и интересно. К тому же и сам «Николя» не возаржал. Игривость падчерицы ему импонировала, с конопатой Катькой в перспективе, кажется, намечались какие-то необычные отношения, цветочек подрастал и готов был вот-вот распусться, и отчего бы не сорвать его первым? Надо только делать все

по уму, чтобы Галина ничего не заподозрила, чтобы семейная их жизнь не нарушалась и не мешала ему исполнять главное: мстить феминам.

С середины февраля день резко стал прибавляться, заблестало солнце, в воздухе хоть и отдаленно, но запахло весной.

Реут любил одиночные прогулки на «жигулях». Говорил, что поехал проверить приемистость двигателя, работу карбюратора или тормозов, – да мало ли что можно наговорить женщине-товароведу, далекой от проблем автомобилистов. Галина охотно верила «Николая», охотно же отпускала его в эти одиночные поездки. Пусть катается. Машина для того и куплена, чтобы на ней ездить. Но где бы Реутов ни катался, а вернется он домой, к ней. «Жигули», она это хорошо понимала, привязали Николая к ее дому крепче веревки, голова его забита всякими трамблерами, датчиками, клапанами и коромыслами и черт знает чем еще. И это хорошо. Пусть возится со всем этим хозяйством, регулирует и подтягивает, и сам катается, и Катьку учит ездить. Нормальная семья, нормальные отношения. Правда, Николай отчего-то охладел к ней, Галине, спать ушел в боковуху, но иногда она сама ходит проведать его. Николай принимает ее без особой радости, супружеский долг исполняет механически, но она на него не в обиде. Может, поутихла уже в Реутове молодая страсть, может, тюрьма на него подействовала. Не это теперь главное. Главное – мужик в доме. Опора и надежда. У Николая – золотые руки, самого черного труда он не гнушался, все в их доме работает-функционирует, звать со стороны никого не приходится. Не разбирается Николай разве только в электронике, в тех же телевизорах (а их в доме Галины три), но телевизоры не так часто и ломаются, вызвать мастера не проблема. А что касается всяческих железяк, газовых нагревателей, труб, электричества – тут Реутов и профессионалов за пояс заткнет, к нему даже мастера советоваться приходят, не говоря уже про автолюбителей: Николай спец на весь райцентр, в любой машине разберется. Его даже звали на работу в Бабуринскую автомастерскую, но он отказался, мол, люблю свой шоферский труд, ездить люблю, а копать с утра до ночи в чужих грязных железяках... нет, это не по мне.

Пусть ездит, раз нравится. Каждый должен в жизни заниматься своим делом, согласно думала Галина, тогда от человека польза будет – и ему самому, и другим людям. Что бы там ни говорили, а большое значение имеет тот факт, с каким настроением человек живет и трудится на земле.

Так, по-матерински заботливо, рассуждала про себя Галина, и иногда у нее возникало чувство, что Николай вовсе ей не муж, а сын, старший брат Катьки, и чувство это ее забавляло. Понятно, сказывалась разница в возрасте, двенадцать лет – это не шутка, это даже ненормальность, по нынешним временам девчонка и в двенадцать лет может стать матерью, так что теоретически... Но чего теперь расстраиваться по этому поводу – живут и такие пары. Был бы мир в доме, согласие. «Главней всего – погода в доме», – поет Лариска Долина, обнимая своего генерала-пьяницу, и она, конечно, права. Ей, Галине, достался простой шофер, да еще бывший зэк, но любовь их тоже проверена серьезным испытанием: он, Николай, не бросил свою Галюсю, не побежал к какой-нибудь шлюшонке вроде Светки Дольниковой, а вернулся в семью. А то, что почти спать с нею перестал...

Галина вздыхала в этом месте своих невеселых бабьих дум и переключала мозги на что-нибудь другое. Постель все же не главное, был бы мужик при деле. Все остальное – мелочи.

Перезимовали они мирно. Каждый занимался своим делом: Катька училась в школе и на вечерних курсах кройки и шитья, Галина возилась на работе с товарами, поставщиками и покупателями, а Реут – со своим ЗИЛ-130, «жигулями» цвета «морская волна» и тайными планами.

Осуществлять их он начал по весне, в первых числах марта, в канун Международного женского дня.

...Было седьмое число. Как водится, предпраздничный день, короткая рабочая смена, предпраздничная же суэта. Женщины на автобазе райпотребсоюза, да и в самой конторе, разодеты и накрашены в пух и прах, мужики озабочены, сорят комплиментами и выразительными взглядами, все слегка возбуждены.

Реут давно уже положил глаз на одну конторскую бабенку, Татьяну Жмыхову. Вертлявая, певунья и хохотушка, разведенка и местная секс-бомбочка. Что еще пожелать мужику в женский день?

Николай осторожно, очень осторожно подъехал к Жмыховой. Вроде бы по делу – накладные там, сопроводительные акты на груз. А между делом – руку Татьяны тронет, в глаза глянет. При случае до работы подвезет или на холодильник – «случайно в ту сторону едет». Потом Таньку в лесополосу повез – взял да и свернул с дороги. Татьяна молчала, только усмехалась понимающе. А когда он заглушил двигатель, спросила спокойно:

– Ну, насиловать будешь, Николай? Или как?

– Что ты, Танюш. По согласию. Я ученый.

– А ученый – так давай крути баранку снова на дорогу. И скажи спасибо, что я Галине твоей ничего не стану говорить.

– Дак... о чем говорить-то? – Реут сглотнул комок в горле, старался все обернуть в шутку. Он испугался, если честно сказать. Очень уж необычно повела себя Жмыхова, он ее боялся. И сразу колонию вспомнил.

Молчком, злобствуя в душе, вырулил Реут из лесополосы, довез Татьяну до бензозаправки, как она и просила, а дальше их пути разошлись. Расстались они холодно, но все же без претензий друг к другу. Реут только и сделал, что свернул с дороги, а Жмыхова простила ему – не раз вырuchал ее Николай со своим грузовиком. А мужчин все же надо понимать.

«Ладно, иди, – зло думал Реут, глядя Жмыховой вслед. – Не пара я тебе, судимый. Ты молодая, красивая, свободная. А мы бы поладили, голубушка. Я бы к тебе не с пустыми руками пришел. Половину нажитого с Галиной поделили бы, по закону положено. Тачку бы я у нее в любом случае отсудил...»

Нос воротит. Западло ей с бывшим зэком якшаться.

Стерва.

Все бабы стервы.

Ну ладно, раз Реут плохой, раз недостоин... Получит ваше бабье отродье подарочек к 8 Марта, получит.

Настройтесь.

...Девицу эту на дороге было хорошо видно. Уже смеркалось, синие тени легли по обеим сторонам шоссе, обочина оставалась еще в снегу, но проплешины активно наступали на нее, отчего обочина выглядела пестрой, как лоскутное одеяло.

Девушка подняла руку, просила ее подвезти, и Реут охотно притормозил. Вокруг не было ни души, никто не видел, как она садилась в его «жигули», не знал, что она ему сказала. Впрочем, сказала она обычное:

– Вы не в сторону Подлесного?

Подлесное – это село в пяти километрах от Бабурина, для машины такое расстояние пустяк, десять минут хода.

– Туда садись, – буркнул Реут, самолично захлопывая за пассажиркой правую дверцу и нажимая кнопку. Пассажирка попалась покладистая, дисциплинированная, без претензий. Другая забеспокоилась бы или хотя бы поинтересовалась: а зачем вы, дядя, кнопку-то нажимаете? И он бы ответил, мол, замок с этой стороны плохо закрывается, вывалишься еще, а мне отвечать.

Но эта ничего не спросила, рада была, что ее везут, что стояла на шоссе совсем недолго и через четверть часа будет дома. Охотно рассказывала, что зовут ее Лена Пастухова, что рабо-

тает она официанткой в кафе «Виктория», где Реут, кстати, бывал, что их, женщин, отпустили сегодня пораньше в честь праздника.

– Правильно, конечно, – поддакивал Реут, поглядывая по сторонам – где удобнее свернуть. Время от времени он бросал взгляд и на свою пассажирку: нежное юное лицо, светлый пушок над потешно вздернутой верхней губой, блестящие карие глаза и русая челка из-под кокетливо повязанного платочка, поношенное пальтецо, дешевый перстенок на тонком пальчике – обычная сельская девчонка, каких тысячи. Но именно ей, этой молоденькой официантке, придется сейчас умереть, заплатить своей жизнью за обиды и унижения, нанесенные ему, Реуту Николаю, злыми и мстительными феминами, и ничего тут уже нельзя изменить.

Девчонка разговорилась, доверчиво посматривала на Реута, рассказывала смешную историю из короткой своей восемнадцатилетней жизни, а он слушал ее внимательно, кивал и поощрительно улыбался – давай, мол, продолжай дальше, интересно.

Неожиданно он свернул с шоссе, покотил в поле, к дальней лесополосе и скирдам соломы, и девица, оглянувшись по сторонам, обеспокоенно спросила: куда это они едут? Он ответил, что вон в той крайней скирде у него кое-что припрятано, надо забрать. Это недолго – положат в багажник и поедут назад, к шоссе.

– Ну а Тамара Васильевна что? – спросил Реут, возвращая Лену к ее рассказу, и девушка, с меньшей, правда, живостью, вернулась к своему повествованию.

Объехав скирд, спрятавшись от глаз (с дороги их теперь не было видно), Реут заглушил двигатель, повернулся к юной фемине, сказал ровно, без угрожающих интонаций:

– Жить хочешь, Лена?

Девушка вздрогнула, на нежном ее лице отразилась целая буря чувств, карие глаза испуганно и непонимающе смотрели на Реута.

– Вы... вы... – только и смогла она сказать севшим враз голоском.

– Да не «вы», а мы, – хладнокровно поправил он ее. – Мы с тобой сделаем сейчас то, что делают мужчина с женщиной. Без шума и ненужных слез. Ты взрослый человек, совершеннолетняя, вправе распоряжаться своей... – Реут не нашел нужного слова, сам толком не знал, что именно он имел в виду.

Прибавил заботливо:

– Ты когда-нибудь этим занималась? Умеешь?

Она судорожно кивнула, опустила глаза.

– Один раз. Парень у нас в Подлесном... Витя... Обещал жениться. Я уступила.

– Ну вот и хорошо. Теперь мне уступи. Я жениться на тебе не буду, я женатый, а жена у меня больная, понимаешь?.. Ты уж не обижайся. Я мужчина, мне надо. И такого персика, как ты, у меня никогда не было. Уважь дядю.

Девушку трясло.

– Хорошо, я согласна. А вы... вы не убьете меня?

Реут делано засмеялся.

– Ну зачем мне тебя убивать? Раз мы поладили и если ты дашь слово, что будешь молчать...

Она торопливо кивнула.

– Я это, насчет «хочешь жить», просто так сказал. Попугать, – продолжал Реут. – Иначе ты бы себя по-другому вела, а?

– Я не знаю.

– Ну ладно, не знаешь – и не надо. Раздевайся, Леноч. Давай-ка я пока разложу вот это сиденье, нам удобно будет. А ты раздевайся. В машине тепло, я натопил специально, знаю, вы, женщины, тепло любите. Ты не стесняйся, Леноч. Колготки снимай, трусики. Сисечки покажи. Ну и что, что маленькие. У кого какие. Я тебе тоже кое-что покажу, у меня, правда, побольше. Мне повезло, ага. Да и тебе сейчас будет хорошо, вот увидишь.

Лена сняла пальтишко и шерстяной свитерок, потом джинсовую юбочку, аккуратно повесила ее на спинку сиденья, потом мгновенно стянула с себя колготки и трусики, оставшись в одной короткой комбинации. Страх ее не прошел, девушка дрожала с головы до голых теперь пят, на Реута старалась не смотреть.

Он, поиграв мячиками груди, взгромоздился на свою жертву, взял ее не торопясь, похозяйски, наслаждаясь и молодым послушным телом, и ее беспомощной покорностью. Он растягивал удовольствие, заставлял юную фемину поворачиваться так и эдак, садиться на себя, охать при этом и стонать. Девушка безропотно выполняла все его прихоти, время от времени жалобно повторяя: «Только не убивайте меня, пожалуйста! Я никому ничего не скажу. И делаю все, что вы мне говорите... Пожалуйста!»

– Ну что ты заладила! – ласково, расслабленно отвечал Реут. – Я же сказал... А теперь вот так давай, Ленок, вот так... Как Моника умеешь?

«Как Моника» кареглазая эта официанточка не умела, она в глухой своей деревушке мало что слышала про эту заокеанскую супердиву, и Реут взялся обучать эту неумеху, но ученица попала, надо сказать, никудышная – стеснительная и брезгливая. Реут быстро разочаровался в ее способностях, снова велел занять позу наездницы и в таком положении вскоре разрядился. Потом наказал Лене поухаживать за ним, и она, по-крестьянски основательно, все сделала душистым своим платочком как надо. Касания тонких, прозрачных почти, пальчиков молоденькой фемины были удивительно приятны, хотелось чувствовать это бесконечно долго, наслаждаться и повторять заново. Но Реут знал, что конец его кайфу близок, что это удовольствие повторять ему с кареглазой официанточкой не придется, несмотря на все ее горячие и искренние заверения молчать. Рисковать он не собирался.

– Ладно, Ленок, одевайся, – уже буднично распорядился он. – Ты молодец. Старалась.

– Я же для вас...

Реут смотрел, как торопливо она одевалась, сказал потом, что ему нужно в туалет, а чтобы она не сбежала, он свяжет ей руки.

Ленок не возражала, покорно завела руки за спину...

– Ну, с праздничком! – В следующую минуту он набросил ей на шею кусок крепкой бельевой веревки, отрезанной в ванной комнате Галины, рванул на себя.

Тело скоро обмякло, безжизненно легло ему на колени.

Реут удостоверился, что девушка мертва, закрыл ее карие, наполненные слезами и ужасом глаза, сел за руль.

В лесополосе он наскоро вырыл лопаткой неглубокую ямку, положил несчастную фемину лицом вниз, присыпал тело землей, листьями, ветками – всем, что подвернулось под руки.

Так пропала без вести Лена Пастухова, так Реут начал свой страшный отсчет жертв...

4

Слухи в Бабурине распространяются быстро. Уже на третий день весь райцентр знал: пропала Лена Пастухова, официантка кафе «Виктория». Ушла с работы, направилась к шоссе, чтобы на попутной машине уехать домой, и... исчезла.

И восьмого марта, у себя дома, и в последующие дни, на работе, Реут с невыразимым наслаждением прислушивался к разговорам о пропавшей официантке. Всмотривался в лица женщин, видел в их глазах тревогу и смятение. Давненько их никто так не пугал. Бабурино хоть и большой, с крупным железнодорожным узлом, населенный пункт, и народу в нем живет предостаточно, а все-таки жизнь здесь тихая, размеренная, спокойная. Где-то там, в огромных городах, где толкуются на улицах миллионы людей, кого-то убивали и грабили, насиловали и жгли в машинах. А тут, в Бабурине, – тишь и благодать. Конечно, и мошенников, и хулиганья

своего тоже хватает, и «жигули» от автостанции у одного коммерсанта угнали, но в остальном...

Женщины спокойно ходили по улицам и ездили на попутках.

Не сообщали друг другу жуткое, оглядываясь по сторонам: «А ты слышала?..»

Без страха смотрели в лица встречных мужчин. Чаще улыбались.

В считанные дни многое изменилось. В местной газете появилось сообщение о Елене Пастуховой, напечатали и ее фотографию. Милиция просила сообщить любую информацию о пропавшей девушке.

Никто ничего не знал. Сообщать было нечего. Никто даже не подозревал, что труп девушки лежит не так уж и далеко от Бабурина. И если бы кому-нибудь пришло в голову прочесать ту лесополосу у дальних скирд...

Никто, кроме Реута, не знал о местонахождении останков Лены Пастуховой.

И дома, и на работе он вел себя осторожно, особого интереса к разговорам о пропавшей официантке не проявлял, ахал и возмущался плохой работой милиции, как все: и за что они только деньги получают?!

Почувствовал вдруг, какую власть он имеет над душами ненавистных фемин. А ведь это только начало. Пришли на память Джек-потрошитель, Чикатило и украинский «коллега» Оноприенко, державший в страхе целую республику. Книг Реут не читал, а в газетах прежде всего искал криминальный раздел, вглядывался в фотографии убийц, насильников и их жертв, вчитывался в подробности преступлений, смаковал их в душе. Кровь его при этом тихонько и горячо закипала, ему даже чудилось, что на шее и спине, на загривке встает дыбом шерсть, в какие-то мгновения он чувствовал себя зверем, волком, охотившимся за овцами, и это сравнение ему самому нравилось. Волков бояться и ненавидят, за ними охотятся и убивают, но четвероногий собрат по духу все же глуп, лишен разума, подчиняется только животным инстинктам и чувству голода. Он никогда не убивает ради убийства и потому не знает о кайфе, который испытывает его двуногий собрат, умеющий рассчитывать и планировать свои действия, скрывать следы преступления, наслаждаться видом умирающей жертвы. О-о, это так прекрасно!

И это поднимает его в глазах тех, кто и сам занимается подобными делами, чей авторитет в среде себе подобных достигается кровавым ремеслом, жестокостью, изуверством. Реут тайно теперь мечтал о громкой славе в криминальном мире, хорошо понимая, что до поры до времени надо крепко держать язык за зубами, ни с кем и никогда не делиться даже намеками о причастности к убийствам, носить это в себе. Хладнокровие, холодный расчет – хороший помощник в любых начинаниях, а ведь ему предстоит особое и долгое дело. Лишить человека жизни – шаг запредельный, но он уже имеет опыт, все получилось легко и быстро, жертва не сопротивлялась, у него в памяти осталась ее овечья покорность и безысходность. Но и тут все получилось хорошо потому, что он, Реут, предусмотрел поведение жертвы, обманул фемину, дал ей надежду. А ради надежды человек пойдет на все.

Окрыленный первым успехом, Реут исподволь готовился к новому преступлению. Собственно, подготовка эта ни в чем особенном не проявлялась. Он ездил на своем ЗИЛе, выполнял порученную ему работу, но при этом зорко поглядывал вокруг, искал взглядом ту, которая смело бы села к нему в кабину, а уж он не сплеховал бы и в этот раз.

Реут знал, что его «крыша» – естественность поведения. Он жил и работал как все, постоянно был у кого-нибудь на глазах: у жены, ее дочери Катьки, у начальства, у экспедиторов, грузополучателей, гаишников. Он и стремился к тому, чтобы общаться с кем-либо, думал о будущем, об алиби, о возможных вопросах следователей. И это у него получалось. Нужный контроль чужих глаз он обеспечивал. При необходимости многие могли бы подтвердить, что видели Реута в такое-то время там-то и там-то... И лишь на шоссе, следуя из пункта «А» в пункт «Б», он оставался один на один со своими мыслями и планами. И тут уж властвовал Случай.

Зуд первого успешного убийства, похоронившего надежду следствия отыскать Елену Пастухову, не давал Реуту покоя. Он чувствовал, что скоро сделает это еще раз, что новая его жертва должна отправиться на небеса в ближайшее время – нельзя было давать феминам забывать о карающей руке. Каждая из них должна постоянно помнить, что ее может постигнуть участь официантки Пастуховой, что где-то рядом с ними, в одном городе живет безжалостный и неглупый человек, неизвестно за что лишаящий жизни молодых и красивых женщин. Впрочем, откуда им, феминам, знать, где живет их палач? Он может приезжать и из другого города, он может являться к ним на летающей тарелке, спускаться с неба на парашюте. Они должны лишь помнить, что он есть, что он где-то поблизости, что он может появиться в любую минуту. И пусть они ломают головы над причинами его расправ, это не так уж и важно, почему он убивает их. Пусть думают, что он не нашел понимания у их сестры, что они к нему были и остаются равнодушными...

Да, ни одна из красивых женщин никогда не обращала на него, Реута, внимания. Он был и остается для них неинтересным. Тем более теперь, имея судимость. Конечно, у красивой фемины своя философия – подороже продать красоту, удачно выйти замуж, свить теплое и уютное гнездышко. Понятно, он ничего красавице дать не может. Нет денег, нет возможности заработать их в большом количестве. На ЗИЛе богачом не станешь. Но почему так несправедлива к нему жизнь? Его сверстник имеет все, что пожелает, в том числе и красивых женщин, а он должен жить с ненавистной старой бабой, время от времени тешить ее, мучиться при этом, сознавать, что есть молодые и милые сердцу лапушки, которые... Ах, да что попусту рассуждать, только расстраиваться! Все равно ничего не изменишь. Но можно взять красоту силой, хотя бы один раз, хотя бы на несколько мгновений жизни, а потом... Да что потом! Потом надо ложиться на дно и тихонечко сопеть в две дырки, наблюдая за суетой сыщиков. И молить Бога, чтобы он не подсказал им верный путь.

...Реут знал эту девушку, и она знала его. Таня Глухова, продавщица гастронома, что рядом с железнодорожным вокзалом. В гастроном этот он наведывался не раз, там всегда была хорошая фирменная водка, не какой-нибудь самопал, от которого можно загнуться. Знал, как и многие покупатели, имя продавщицы винно-водочного отдела, а она помнила его в лицо. Возможно, помнила и его ЗИЛ, на котором он приезжал и ставил машину напротив магазина. Во всяком случае, совершенно спокойно остановила его на окраине Бабурина, села к нему в кабину:

– Привет, начальник. Ты не в Песковатку, случайно? Я на автобус опоздала, а ждать следующий долго, почти два часа. Подбросишь?

У Реута дрогнуло сердце. Рыба сама шла в сети.

– Ну садись, довезу, – ответил он как бы в некотором раздумье. – Я, правда, через Солонцы хотел ехать.

– Да там крюк два километра, всего-то! Для такой большой машины и мастера вождения!.. – Глухова улыбнулась. – Довези, будь другом. Бензин за мой счет.

– А работа? – повел он с ней игру, вырulingивая на шоссе.

– О работе твоей буду с благодарностью думать и вспоминать.

– Так же, как и я о твоей, – распускал хвост Реут. – Приду домой с пузырьрем, налью и думаю: «Ну, за Татьяну, красавицу нашу и спасительницу, дай ей Бог здоровья и хорошего мужа!»

Посмеялись.

– Слушай, а как тебя зовут? – запросто спросила Глухова. – В лицо-то я тебя хорошо знаю, грузовик этот сто раз видела.

– Николай Реутов. В райпотребсоюзе работаю. Мотаюсь вот с утра до ночи... А у вас же в Песковатке есть магазин, – переменял он тему разговора. – Чего дома не работаешь?

– Да там Машку Кургузову дрыном не вышибешь из-за прилавка, – махнула Татьяна рукой. – Сколько себя помню, она всегда в нашем магазине работала. Девчонкой еще была, соплюшкой, конфеты у нее покупала. Ириски любила, «Кис-кис» называются. Помнишь такие?

– Нет, – покачал головой Реут. – Сигареты «Дружок», маленькая такая пачка, помню.

– А, ну кому что!

Смех у Татьяны звонкий, залиvistый, она так хорошо смеялась! Да и сама – писаная красавица. Сейчас Реут мог сознаться себе, что в гастроном у железнодорожного вокзала заезжал не только за хорошей водкой, но и полюбоваться на Татьяну. Конечно, он пытался заговаривать с ней, предлагал свои, шоферские, услуги, но она, как правило, отказывалась. Еще бы – в ее знакомых ходили и парни с иномарками. Но вот ему сегодня повезло: она опоздала на автобус, на иномарке что-то никто ее не повез – и сидит сейчас голубушка в его ЗИЛе, да еще и хохочет. Что еще желать?!

Ах, несчастная ты фемина! И жаль такую красоту губить, да что делать-то?! По согласию ничего не получится, а насилие Татьяна ни за что не простит.

Они свернули с шоссе, ЗИЛ бежал по мерзлому, хорошо накатанному гравию, сосняком, и Реут уже прикидывал: где? Где остановиться, чтобы не было видно машину?

Решил, что надо рулить к реке, Хопру. Прошлым летом он тут рыбачил, знает местечко, где можно надежно укрыться, там никто их не увидит.

– Ты куда это, Николай? – строго спросила Татьяна. Голубые ее глаза требовательно смотрели на него, высокий чистый лоб хмурился, руки тревожно перебирали ремешок черной кожаной сумочки.

– Сейчас, Тань, я мигом. Колесо тут прошлый раз приглядел, бросил кто-то, а мне пригодится, я на нем еще поезжу. Резина ничего, мне сгодится. Что ж таким добром раскидываться?! Пусть в запаске лежит. Зимой, конечно, на нем не поедешь, а летом ничего, летом можно.

Он говорил и говорил, занимая ее внимание, не давая вставить слово, отвлекал и тратил время. ЗИЛ между тем выкатил на самый берег Хопра, обдирая ветви разросшихся и голых сейчас ив, полез носом в самые заросли и затих. Снега на берегу уже не было, весна делала свое дело, но лед на Хопре стоял еще крепко, ходить по нему было можно.

Грозная тишина и тревога обрушились на Татьяну. Она забеспокоилась, спросила:

– Ну что ж колесо не ищешь?

– Успею, – хмыкнул Реут. – Поговорим вот.

– И по дороге бы поговорили... Ты чего хочешь-то, Николай?

Глухова нервничала. Красивое ее лицо с ярко-красными губами вмиг изменилось, стало бледным, глаза потемнели, излучали... нет, не страх, она еще не успела понять и испугаться, не знала, что ей грозит. Она решила, что молодой этот шоферюга просто обнаглел, завез ее в эти кусты... да понятно, у мужиков одно на уме.

– Поговорим, Танюш, – хрипло повторил Реут. Голос его был похож сейчас на рык. – Ты что же думаешь... я просто так к тебе в магазин шастаю? Водки сейчас море разлитое, где угодно можно купить.

Он попытался обнять ее, но Татьяна резко вырвалась из его лап, стала шарить по дверце, ища ручку. Но ручки не было. Открыть дверцу изнутри было нельзя, Реут позаботился об этом.

– О-о, да я вижу, ты парень серьезный. – И Глухова заговорила другим голосом – суровым, бескомпромиссным. – И с тобой надо говорить на другом языке. А ну, открой дверь! Чего тут ручки поснимал?

– Танюш, я же с тобой по-хорошему хочу, понимаешь? Ну давай поладим разок, а? Только разок. Пойми мужика: полгода к тебе в магазин ходил, любовался, покой потерял. Замуж ты за меня не пойдешь, знаю – не нравлюсь я бабам, не урод, но и не красавец. Но хоть разок радость в жизни испытать. Не убудет же тебя. Вон, смотри, сколько у тебя всего, на троих.

– Что-о? – заорала Татьяна. – Ты в своем уме?!

– В своем, в своем, не беспокойся. В психбольницу меня не упекут... Серьезно тебя прошу...

– Открой дверь! Наглец! Да тебе знаешь что за это будет? Если посмеешь меня хоть пальцем тронуть...

– Все я знаю, Танюш. Потому и просил, предлагал тебе по-хорошему. А ты в бутылку полезла. Жаль.

Из кармана рабочей куртки, висящей у него за спиной, в углу кабины, Реут вытащил финку, спросил бесстрастно:

– Жить хочешь?

– Неужели... неужели ты посмеешь? – Татьяна вжалась в свой угол, отодвинулась от Реута, подняла руки с зажатой в них сумочкой, защищая грудь и часть лица. Сейчас он видел лишь ее глаза, и в них по-прежнему не было настоящего страха, а только ненависть и отчаяние. Она находилась в клетке и вырваться из нее не могла.

– Брось нож, придурок! – велела она. – И езжай к дороге. В Песковатку можешь меня не везти, я сама дойду, тут уже близко. И не бойся, я никому ничего говорить не буду. Не все бабы в милицию жаловаться бегают, знаю. Говорила кое с кем.

– Разденься, Танюш, Богом тебя прошу. Не доводи до греха! – говорил он плачуще. – Ничего плохого тебе не сделаю, только разденься.

– Открой машину! Я тебя тоже по-хорошему предупреждаю. Сказала, что в милицию не пойду, – значит, не пойду. Но чтобы потом и духа твоего в магазине у нас никогда не было, понял? Ублюдок.

Рукояткой ножа Реут ударил Татьяну в подбородок. Она охнула, уронила сумочку, заплакала. Но через мгновение вытерла слезы ладонями, стала расстегивать дубленку.

– Ладно, бери, ешь, – зло говорила она. – Раз тебе невтерпеж, раз ты на такое решился, нож на женщину поднял. Но дай и ты слово, что никому ничего не скажешь. Если узнает мой парень... Я даже представить себе не могу, что он с тобой сделает!

– Я – это могила, Танюш, – как можно увереннее произнес Реут. – Уж кому-кому, а мне язык за зубами ой как крепко держать надо. Я же сидел. И за это самое.

– Сволочь ты. – Татьяна продолжала раздеваться. – И зачем таких выпускают? Ты же зверь.

– Зверь. И сволочь, – согласился Реут. – Но как иначе такую, как ты, трахнуть, Танюш? Ты пойми. Ведь ни за что тебя не уговорить, ни за какие деньги.

Она не ответила. Молча сняла нижнее белье, подняла юбку.

– Хватит?

– Все снимай, Танюш, все! В кабине тепло, не замерзнешь. Да и я не дам. – Реута трясло – тело Глуховой просто лишило его дара речи. Он, конечно, и предполагал, что оно роскошно и идеально сложено, но одно дело предполагать, а другое – видеть. Белое, налитое здоровьем и жизненной силой, в идеальных пропорциях... Есть настоящие фемины в русских селеньях, есть!

Сейчас на Татьяне ничего не было. Она, закрыв глаза, отстраненно полулежала перед Реутом, подложив под голову свою одежду, а он рассматривал ее, гладил большие сочные груди, пышные тугие бедра. Какую же прелесть сотворил Бог! И есть ли на земле что-нибудь прекраснее женщины?!

– Быстрее! – скомандовала Татьяна. – Мне холодно.

И добавила вскоре, скрипнув зубами:

– Тварь! Ах, какая же ты тварь!

Тварь разумно промолчал, торопливо спустил штаны, погрузился в блаженство. Кидая задом, шептал ей в лицо:

– Какая ты... Какая ты...

На скуле Глуховой синел уже кровоподтек, Реут тихонько, бережно дул на него, успокаивал:

– Это ничего, Танюш, это пройдет. Ты прости меня, ладно? Погорячился. Да и ты тоже хороша – обзываться стала, оскорблять. А разве можно обижать мужчину, который тебя боготворит? Ты же думаешь, что я просто так говорю, а я в самом деле...

– Подонок ты, а не мужчина. Быстрей, я сказала!

– Ну не торопись, лапушка, дай насладиться. Когда еще подфартит?! Не часто такое бывает... не часто... О-о-ох!

Реут затих, лежал на Глуховой, отдыхал, и Татьяна взялась спихивать его.

Села, стала одеваться.

– Послушай, Реутов, а не ты ли девочку эту... как ее... Пастухову, в неизвестность отправил? Идет же разговор, что она, вот как и я, села на дороге в попутку.

– Я, – просто сказал Реут. – С праздником вас всех поздравил. Ты же помнишь, седьмого марта она пропала. А ты как про это узнала? В газете прочитала, да?

– А-а-а-а! – что было сил закричала Глухова, стала биться в дверцу, закрывалась от Реута одеждой, пряталась от его безжалостного лютого взгляда. Она только сейчас ощутила холод смерти, поняла, что он сказал правду насчет Пастуховой, что и ее, Татьяну, ждет та же участь. – Помогите-е-е! Люди-и-и!

Но кто бы сейчас мог услышать ее на глухом берегу, в зарослях ив, вдали и от шоссе, и от грунтовой дороги, ведущей в ее родную Песковатку?!

Реут схватил ее за горло, стал душить. Татьяна отчаянно сопротивлялась, все норовила поцарапать ему лицо, но Реут довольно ловко и легко уворачивался от ее острых крашенных ногтей – его руки были гораздо длиннее. Тогда она стала плевать – это добавило ему сил и злобы. Реут теперь не только душил ее, а стал бить женщину головой о дверцу, надавил мощным коленом на грудь, хрустнуло ребро.

Силы, конечно, были неравными, Реут весил более восьмидесяти килограммов, и сопротивление Глуховой скоро было сломлено. От очередного удара о дверцу она потеряла сознание, обмякла, и он осторожно опустил ее – вдруг притворяется? Люди такого склада характера способны на все, борются за жизнь до конца.

Глухова не шевелилась.

– Нет, руки им надо связывать, так спокойнее, – подумал вслух Реут. – Вишь, чуть не поцарапала.

Из кармана все той же куртки он достал кусок веревки, обмотал шею Глуховой, стянул.

Контрольный выстрел.

Потом вышел из кабины, огляделся. День почти кончился, Хопер белел перед ним широкой мерзлой лентой среди рыжих берегов, тихо потрескивал лед. Весна делала незримую свою работу. Еще пару недель, и лед тронется, пойдет вниз. В первую неделю апреля Хопер, как правило, сбрасывает с себя ледяной панцирь, и тогда сюда, на эти вот берега, устремляются рыбаки из близлежащих сел, из Бабурина, да и из областного центра тоже. Знают эти места многие, рыба здесь водится.

Реут спустился к реке, осторожно пошел по льду. Скоро нашел то, что было ему нужно, – полузамерзшую прорубь. Ножом разбил тонкий лед – теперь Глухова как раз пройдет в эту прямоугольную дыру. Да, в самый раз.

Он тащил ее по льду за чудесные каштановые волосы. Под весом двух тел лед стал потрескивать, но Реут знал, что не провалится, что дотащит Татьяну до проруби.

– Ну, Танюш, извини, – сказал Реут на прощание и спихнул труп Глуховой в прорубь, ногами вперед. – Сволочь я, конечно. Но что делать? Ты бы меня обязательно засадила, это как пить дать.

Тело все же зацепилось за края, плечи никак не проходили в дыру, и Реут ногой толкал его. Волосы Татьяны разметались по льду, мешали, Реут наступал на них... но скоро все было кончено. Хопер протестующе всплеснул, обдал ноги Реута черной водой, а в следующее мгновение принял белое тело несчастной и умолк.

В кабине Реут внимательно осмотрел вещи Глуховой. Взял из кошелька деньги (55 рублей), подержал в руках дубленку. Жаль, хорошая вещь, новая. Но брать ее с собой нельзя – вещдок. Дубленку на Глуховой видели многие, родственники опознают ее в любой момент. Не продашь.

Углубившись в прибрежный лес, Реут облил горку одежды бензином и поджег.

Все. Нет больше молодой красивой фемины Татьяны Глуховой, и нет ее одежды. Пропал человек. Без вести. Аминь.

Не зажигая света, Реут вернулся на шоссе, и только там включил фары.

ЗИЛ он поставит сегодня дома, директор автохозяйства за это не ругает. Ну, вернулся водитель поздно из командировки, до базы далеко, машина постоит у дома, ничего страшного. Тем более что завтра рано выезжать. В новый рейс. Кажется, в соседний район, Галина делала заявку. Но поедет Жмыхова.

Ну что ж, Жмыхову он свозит без всяких происшествий. Теперь надо пожить тихо-тихо. Как еще повернется дело с убийством Глуховой? Надо было, пожалуй, ее прикопать, а не бросать в Хопер.

Земля мерзлая, долго надо было возиться. Сойдет и так. Река тоже умеет хранить тайны.

5

Труп Татьяны Глуховой прибило к берегу талой водой в начале апреля. Хопер под Песковаткой разлился широко, привольно, затопил пойменные луга, часть прибрежного леса, даже до дач добрался. Там-то, у дач, и заметили плывущее обнаженное тело женщины.

У одного из дачников была уже спущена лодка, трое неробких мужиков сели в нее, погребли к трупу. Бережно втащили его в посудину, доставили на берег, где собралась уже небольшая толпа. Прибежали и местные жители, песковатские; один из них, Майданов, пьяница и забулдыга, пригляделся к лицу утопленницы, воскликнул:

– Дак это, кажись, Танька Глухова! Точно. Она же с месяц как пропала... А ну-ка, Витек, сгоняй за Натальей, ее матерью. Пушай глянет... Да она это, Танька!

Витек, вихрастый резвый парнишка, восседавший на мопеде, рад был такому ответственному поручению, дернул ногой, завел своего железного конька-горбунка и помчался в гору, к селу, оставляя за собой сизый, пышный хвост дыма.

Толпа между тем со страхом и состраданием разглядывала лицо девушки – ему досталось от речных обитателей больше всего. Начисто был съеден нос, обкусаны уши и подбородок. Живыми и оттого жуткими оставались открытые глаза, в них страшно было заглянуть. На шее синел, отчетливо был виден след от веревки – Глухову явно задушили, а потом уже бросили в прорубь или в полынью, это стало ясно всем, никакими особыми криминалистическими знаниями владеть тут было не надо. На теле девушки виднелись глубокие царапины или порезы, но в целом холодная вода хорошо сохранила его.

– Таковую красоту сгубили, сволочи! – в сердцах сказал дачник, хозяин лодки, а другой, сбегав к себе в домик, принес кусок черной полиэтиленовой пленки, накрыл труп.

– Чего глазеть! – сурово сказал он. – Детишки вон сбегаются. Эксперты пусть смотрят.

Со стороны села донесся к берегу жуткий протяжный вой – кричала женщина. Скоро все увидели ее – мать Татьяны, не переставая кричать, бежала к реке – простоволосая, в наспех накинутой на плечи куртке, в спадающих с ног домашних тапочках. Видно, Витек с ходу ляпнул ей про дочку, неразумный подросток никак не подготовил женщину к страшному известию,

и Наталья Глухова подхватила в чем была, хорошо еще, что куртку накинула – холодно же, апрель только начался.

За Глуховой бежали еще несколько женщин, дети, а впереди всех катил на дымящем своем мопеде Витек, отбиваясь ногой от привязавшегося лающего пса.

– Танюшка-а... Дочушка-а! – голосила на весь белый свет Наталья, подбегая к черному полиэтиленовому бугорку, сдергивая с тела дочери пленку, падая ей на грудь. – Да кто же это сделал, ягодка моя?! За что же тебя лишили жизни, кровинушка родненькая-а-а... Господи-и! Да что же ты сидишь там, на небесах, и позволяешь такое? Дочушка-а-а...

Заголосили и подбежавшие бабы, дружный отчаянный рев сотрясал серый апрельский день. Не выдержали, захлюпали носами и дачники, выловившие труп, поспешно отворачивались, утирали слезы. Жаль, конечно, такую молоденькую и красивую девушку.

С Глуховой началась истерика, она выла и царапала землю, билась головой о холодную грудь дочери, и Наталью взялись оттаскивать от трупа, успокаивать.

Голос Натальи вдруг осекся, она будто захлебнулась криком, закашлялась, глаза ее неподвижно уставились в одну точку, она немое, беззвучно разводила руками, словно отгоняя кого-то от тела Татьяны, пытаясь что-то сказать, но у нее это никак уже не получалось.

– Да накройте Таньку-то! – крикнула одна из баб. – Матери такое смотреть!.. Милицию зовите!

Труп снова укутали пленкой, безвольно падающую с ног Наталью повели под руки в село, а она ничего уже не понимала, мычала нечто нечленораздельное, и можно было понять только одно слово: «Найдите!.. Найдите!..»

Все тот же вихрастый Витек помчался теперь к главе сельской администрации, чтобы он позвонил и вызвал следователей, а оставшиеся у трупа стояли молча, изредка бросая друг другу малозначащие фразы:

- Какой же это гад руку на девку поднял?
- М-да, жизнь... Работала, жила, кому мешала?
- А раздевать зачем было?
- Глумились, не иначе.
- Вот так и пропадают...
- О-хо-хо-о... Казнить таких на площади.
- Поймай сначала...

* * *

Михаил Сидорчук, опер по особо тяжким делам, невысокий, с бравыми казацкими усами подполковник милиции, труп Татьяны Глуховой увидел уже в морге. Приехали они туда со старшим следователем областной прокуратуры Поповым, спустились в полуподвал здания, где размещалось это печальное заведение, некоторое время, привыкая, стояли в душликовом, с низким потолком помещении, слушая пояснения эксперта. Эксперт, сухощавый, в очках с толстыми линзами дядька, говорил вполне равнодушным голосом, он давно привык к чужой смерти, давно не боялся ее вида, но к работе относился добросовестно и давал сейчас сыщику и следователю прокуратуры нужную профессиональную информацию. Информация эта звучала несколько по-научному: «...На шее, как вы видите, отчетливая незамкнутая странгуляционная борозда... Это асфиксия, удушение, конечно... Установлены кровоизлияния в мягких тканях левого рожка подъязычной кости... Кровоизлияние и здесь, в затылочной области... Разрывы девственной плевы...» Но она давала ясную картину преступления. Убийца (или убийцы) сначала изнасиловал свою жертву, а потом задушил. И – концы в воду, в буквальном смысле.

– А вот эти царапины, на плечах и бедрах, отчего могут быть, Валерий Николаевич? – спросил Попов. – Жертва сопротивлялась, как вы думаете?

– Это либо следы волочения, убийца мог тащить жертву по земле, либо поцарапал об лед, когда заталкивал ее в прорубь. Есть еще значительный кровоподтек в области черепа. Это мог быть удар о твердый предмет либо удар тяжелым предметом по голове. Зверья хватает, – добавил эксперт уже неофициально и накрыл труп простыней.

Сыщик и следователь прокуратуры молча с ним согласились: да, убийца (или убийцы) в человеческом обличье – зверь, но зверь осторожный, хитрый и расчетливый. Преступление совершено несколько недель назад, «горячих» следов нет, предстоит рутинная и скрупулезная работа: выявление прижизненных связей Татьяны Глуховой, опрос многочисленных свидетелей. Но среди них может не оказаться ни одного, кто мог бы как-то помочь следствию.

Сидорчук и Попов, все еще под впечатлением увиденного в морге, пересекли центральную площадь Бабурина, вошли в двухэтажное небольшое здание, которое занимала межрайонная прокуратура, расположились в отведенном им кабинете заместителя прокурора. Позвали следователя Есина, который вел дело Глуховой, почитали бумаги в тощей пока папке: протоколы осмотра места происшествия, заключения экспертов, протокол допроса матери Татьяны и свидетелей, обнаруживших труп. Все это в целом Сидорчук и Попов уже знали, но Есин в их отсутствие вызвал и допросил еще одного важного свидетеля – парня Глуховой, Владимира Колычева. Колычев давал путаные и неточные показания, на вопросы Есина отвечал уклончиво, и он решил его задержать.

- Где он сейчас? – спросил Попов.
- Здесь, в прокуратуре.
- Вы ему объявили уже о задержании?
- Нет, как раз собирался.
- Хорошо, пригласите его сюда.

Перекрестный допрос силами двух следователей и опера-важняка – испытание для подозреваемых серьезное, далеко не каждый из них это испытание выдерживает, но это в том случае, если человек виновен и нервы у него не из проволоки. Невинный же ведет себя естественно, на вопросы отвечает уверенно, сбить его, запутать сложно.

Колычев, 28 лет, местный торгош, владелец трех бронированных ларьков на улицах Бабурина, автомобиля «Ниссан», в прошлом судимый (имел два года условно за коллективную пьяную драку и нанесение тяжких побоев), симпатий к себе не вызывал и чисто внешне. Что-то отталкивающее, настораживающее было во всей его манере держать себя, вести с собеседником разговор. Толстенькие мягкие руки Колычева не знали покоя: мяли кепочку, клали ее на стол, потом на колени, что-то в ней поправляли, снова мяли. И так же беспокойно смотрели на собеседника глаза, поймать его прямой и открытый взгляд практически не удавалось. Хозяин иномарки и трех торговых точек нервничал, явно не знал, как себя вести, взгляд его перескакивал с лица Сидорчука на тощую папочку дела Глуховой, потом на ручку Есина, бегающую по листку бумаги, затем на склоненную голову следователя Попова.

- Как давно вы были знакомы с Татьяной Глуховой? – спросил тот.

– Давно. – Колычев кашлянул, успокаивая себя, покосился на графин с водой, но напиток не попросил: следователи, конечно, сочтут, что он тянет время, обдумывает ответы. Продолжал: – Как она стала работать в гастрономе... Мы познакомились. Я часто заезжал за ней... гм.

- Куда вы ее возили?
- Катались. Домой еще возил, в Песковатку.
- Кто это может подтвердить?

Колычев дернул плечом.

- Ну, ее мать, наверное. Я не знаю. Мы не прятались, многие нас видели.
- В день гибели Татьяны вы с ней встречались?
- А когда она погибла?

Следователи переглянулись: вопрос был поставлен грамотно.

– Дату мы пытаемся установить. Возможно, она была убита в тот же самый день, когда не пришла домой. Или позже. Если ее где-нибудь прятали. Вы обязаны нам помочь, Колычев.

– Я ничего не знаю.

– Скажите: какие у вас были отношения с Глуховой? – спросил Сидорчук. – Насколько нам известно, вы считались чуть ли не женихом и невестой. Это так?

– Ну... она нравилась мне, да, я этого не отрицаю. Но о женитьбе я лично речь не заводил. Это ее подруги так нас называли, хотели, чтобы Танька... Татьяна вышла за меня.

– Вы с ней ссорились?

Колычев подумал.

– Да, на женский день... или после... я точно не помню.

– Придется вспомнить. Это очень важно. – Сказал эти слова Попов. Парень, наверное, уяснил, что среди допрашивающих его этот человек главный, следователь-важняк из областной прокуратуры, и потому ухо с ним надо держать востро.

Колычев опустил глаза. Признаваться в том, что Татьяна Глухова отказала ему в любовных притязаниях на женский день, когда он явился к ней в магазин с цветами и духами, а потом отвез в Песковатку, было нельзя. Ссоры у них как таковой не было. В машине, уже за городом, он просто положил ей руку на бедро, а она мягко улыбнулась, сказала:

– Не надо, Володя.

– Почему?

– Ну... поженимся, тогда. Я себя для мужа берегу.

– Что ж, береги. Хм.

Он не сказал ей ни одного грубого слова, даже поцеловал на прощание в щеку, и она ушла, не зная о том, что он решил с ней больше не встречаться. Пока. Пусть подумает. Чего ради катать ее на «Ниссане», дарить цветы и коробки с конфетами?! Подумаешь, недотрога! Сейчас это не модно.

Но как скажешь об этом следователям? Татьяну, по слухам, убил сексуальный маньяк, и стоит ему, Колычеву, признаться, что и он хотел от Глуховой то же самое...

Нет-нет, они сразу же ухватятся за него. Начнут выворачивать душу, копаться в подробностях их отношений, в его прошлом. А прошлое – судимость. Пусть и условная. В тот раз, несколько лет назад, они с корешами по пьянке избили одного пожилого гражданина, который не дал им закурить, в этот же раз его подозревают в убийстве Глуховой. Правда, пока не говорят об этом в лоб, не предъявляют обвинения. Но сам факт вызова в милицию и этот перекрестный допрос... чего тут непонятного?!

Вдруг, вопреки своим мыслям, Колычев выжал из себя:

– Мы не то что поссорились... Я просто не стал с ней встречаться. Я хотел с ней жить... как с женой. А она отказала.

– Из-за этого и произошла ваша размолвка?

– В общем, да. Сейчас все парни живут со своими девчонками. А Таня... Короче, я не стал к ней ездить, и все решили, что мы поссорились.

– А с Еленой Пастуховой ты был знаком? – Сидорчук задал этот вопрос намеренно резко, неожиданно, сбивая спокойный тон разговора, стремясь внести в душу подозреваемого сумятицу.

– Где ее труп? – сейчас же подхватил Есин.

– Говорите быстро, Колычев, не раздумывайте! – потребовал и Попов.

Колычев уронил кожаную свою фуражечку, тонкие нервные губы парня затряслись.

– Да вы что-о? – растерянно протянул он. – И ту на меня вешаете? Да я...

– Вы отвечайте на вопросы! Пастухову Елену знали?

– Да, знал. Кто ж Ленку из «Виктории» в Бабурино не знал?! Мы там с парнями часто обедали.

– Где ее труп? – повторил свой вопрос Есин.

– Не знаю. Я ее не убивал.

– А кто?

– Понятия не имею.

– Должен иметь. Мы знаем твое окружение.

– Мне ничего не известно.

– Врешь!

– Не вру. Зачем мне врать? Я Ленку не трогал, даже на тачке своей никогда не катал.

– Глухову зачем убил? Из-за отказа сожительства?

– Да не убивал я ее! – Колычев неожиданно для всех, в том числе и для самого себя, заплакал. Выглядело это нелепо и непонятно: упитанный такой парняга, кровь с молоком, а ведет себя как хилая нервная барышня. Как это понимать?

– Посиди в коридоре, – распорядился Есин. – Мы тебя позовем. И не вздумай бежать – найдем.

– Да чего бегать-то, зачем? – совсем по-детски всхлипывал Колычев, размазывая по щекам обильные слезы. – Я же ничего не сделал. И если у меня судимость...

– Иди, – сурово повторил следователь. – И подумай пока. Может, вспомнишь что-нибудь важное.

Когда Колычев вышел, все трое некоторое время молчали.

– Или притворяется, разыгрывает тут с этими слезами, или в самом деле не виноват, – ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил Попов.

– В любом случае тип еще тот, – возразил Есин. – И я имею право три дня его подержать. Рыльце у него в пуху, это как пить дать. Признался же он, что склонял Глухову к сожительству. Сильный ход, что нам признался в этом. В искренность играет. Дожимать надо, нервы у него не ахти, сознается.

– Версия, конечно, серьезная. – Сидорчук полистал дело. – И теоретически Колычев может быть насильником Глуховой. Обиделся на девушку, разозлился... Это он сейчас ягненка из себя разыгрывает, а там, в машине, один на один с женщиной... С другой стороны, он мог нам действительно рассказать все искренне, как было. Что-то я в его виновность не верю. Но из числа подозреваемых исключать Колычева нельзя, это бесспорно, Есин тут прав.

– Ладно, пусть три дня посидит, – решил Попов. – Проверим его алиби, опросим свидетелей. Может, что и прояснится. Михаил, нацель своих ребят на отработку связей Колычева.

– Хорошо, Сергей Александрович. Мы, собственно, по этому направлению и идем. Колычев – не один, тут, в Бабурино, еще есть несколько ухарей, в прошлом судимых, в том числе и по насильственной статье.

...Оставшись в кабинете один, Сидорчук набрал номер полковника Савушкина, начальника управления уголовного розыска областного УВД, доложил:

– Юрий Николаевич, по Глуховой отработываем несколько версий. Перспективных, на мой взгляд, несколько, но...

– Понятно, Миша, – перебил Савушкин. – Хуторянскую надо посылать?

– В данный момент, наверное, рановато. Вряд ли убийца, если он здешний, пойдет на новое преступление. Мы ни от кого не скрываемся, многие в Бабурино знают, что здесь работает следственно-оперативная бригада из области. Так что...

– Пожалуй, – в раздумье протянул Савушкин. – Но это при условии, что убийца – бабуринский.

– Он где-то здесь, рядом.

– Чувствуешь, Миша?

- Да. Кружит, стервятник... Или часто бывает здесь.
- Значит, на чем-то ездит?
- Наверняка. Либо на своей машине, либо на казенной.
- А если просто – командированный, залетный?
- Может быть. Но о чужих здесь речь как-то не идет. Мы уже опросили многих, никаких подозрительных, чужаков не замечено.
- Значит, кто-то из местных.
- Скорей всего.
- Тогда шерстите там всех подряд. Бывших судимых – в первую очередь.
- Разумеется, Юрий Николаевич.
- А Людмилу давай попозже введем, если ничего не будет проясняться. Недели через две-три. Приедешь, доложишь.
- Понял.

Сидорчук положил трубку, посидел, потирая лоб. Вспомнил, что надо бы поесть, – выпил в семь утра чаю и съел бутерброд с вареной колбасой. А сейчас уже пять вечера.

«Надо в кафе зайти, в „Викторию“, – подумал сыщик. – Заодно и поговорить там о Пастуховой, спросить о Колычеве. Может, потянется оттуда какая-нибудь ниточка к Глуховой. Кажется, что дела эти, о Глуховой и Пастуховой, придется объединять. Один почерк просматривается».

Дела прокуратура объединила. И следователи, и оперативники были теперь убеждены, что за двумя смертями молодых девушек стоит одно и то же лицо или группа лиц, похищающая и убивающая женщин определенного возраста и непременно привлекательных.

Изнурительные, многочасовые опросы свидетелей, знавших Пастухову и Глухову, продолжались. А свидетелей этих были десятки – официантки кафе «Виктория», продавцы и кассиры гастронома у железнодорожного вокзала, родственники, друзья и подруги убитых, соседи, приятели того же Колычева, граждане, бывшие в заключении и проживающие в данной местности, водители автобусов, курсирующих по району... словом, все, кто знал девушек и мог сказать о них что-нибудь полезное для следствия.

Дело пухло, росло число страниц в папках, но существенных подвижек в поиске убийцы (или убийц) не было.

Закончился апрель, расцвел нежной зеленью и украсил прихонерскую землю май, а жители Бабурина, в первую очередь женщины, содрогнулись в ужасе: убили Римму Гришину, несовершеннолетнюю девушку, единственную дочь у несчастной матери...

6

О том, что в Бабурине работает большая группа сыщиков из областного центра, Реут хорошо знал. Сыщики подняли на ноги и местную милицию, перешерстили весь уголовный мир Бабурина, цепляли и его, Реутова. Но ему повезло: Николай допрашивал, а точнее сказать, добросовестно задавал вопросы и записывал ответы молоденький лейтенант, только что, видно, соскочивший со студенческой скамьи юридического факультета, и обеспокоенный в первую очередь технической стороной дела – грамотностью протокола. Беседа их в одном из кабинетов автохозяйства проходила вполне мирно и допрос мало чем напоминала. Лейтенант, как журналист, вежливо спрашивал:

- Николай Владимирович, что вы можете сказать по поводу гибели Татьяны Глуховой?
- А чё я могу сказать? Я ничего не знаю.
- Ну, может быть, вы что-то слышали, владеете какой-нибудь интересующей нас информацией. Вы же понимаете, о чем я говорю?
- Понимаю. Но милиции ничем помочь не могу.

– Когда вы узнали о гибели Глуховой?

– Да когда... Как все заговорили об этом случае, так я и узнал. И в местной газете сообщение было.

– Вы с Глуховой были знакомы?

– Я в магазине, где она работала, был, конечно, водку покупал. Так, смутно ее помню, имени не знал, не знакомился. Мне-то она зачем? Я женатый, семья, дочка у нас.

– Значит, не были знакомы?

– Нет.

Лейтенант старательно записал в протокол слова Реута, продолжал:

– Вы понимаете, почему я вас допрашиваю?

– Догадываюсь. Сидел я.

– Правильно. Тогда давайте уточним, где вы были в день гибели гражданки Глуховой. –

Он назвал дату.

Реут подумал, потянул время, хотя ответ у него был давно уже готов, он обеспечивал ему если не железное, то вполне надежное алиби: в тот день, шестнадцатого марта, он был в командировке в областном центре, вернулся из поездки поздно, машину поставил у дома, жена и дочь могут это подтвердить. Да и соседи тоже. Все эти подробности Реут не спешил выкладывать следователю, они могли бы его насторожить – почему это он, Реутов, так хорошо помнит тот день? Прошло ведь уже три с лишним недели...

Но подробности все жегодились, ибо лейтенант, желая проверить показания Реутова, затребовал у начальства автохозяйства путевые листы некоторых шоферов за шестнадцатое марта. И вот тогда Реут, «напрягая» память, и рассказал следователю свой рабочий день чуть ли не по минутам. Все у него хорошо сходилось. Теоретически он, Реутов, не мог быть в месте предполагаемого убийства, а, по мнению экспертов, это был район села Рождественское или Петровское, откуда, предположительно, и переместилось тело Глуховой до Песковатки в подледном путешествии. Учитывалась при этом скорость течения Хопра, расстояние. Эксперты были убеждены, что тело сбросили в прорубь недалеко от Песковатки, максимум в двадцати километрах от села, следовательно, убийца находился с восточной стороны Бабурина, а Реутов въезжал в него с запада, по междугороднему шоссе, вечером. Единственное, чего не знал следователь, так это то, что Реут сам поставил в путевом листе время выезда из Придонска, сместив его почти на три часа, а около двух из них потратил на Глухову.

– Ну так что, Николай Владимирович, может быть, подскажете адресок? – Лейтенант просительно заглянул в глаза Реуту. – Не для протокола, а? Негодяев же надо найти. А вы тут живете, народ знаете. Определенной, конечно, категории народ.

– Как я могу напраслину на человека возводить?! – Реут прикинулся оскорбленным. – Вы же убийство расследуете, не что-нибудь.

– Я знаю, вы родственник Юрия Малыгина, – следователь зашел с другой стороны. – Он, кстати, о вас хорошо отзывался, мы беседовали с ним.

– А чего он про меня плохого может сказать? Сидел, да, по глупости. Я деваху не насиловал, сама, можно сказать, напросилась. А потом и заявила.

– Подробности в деле несколько иные, там деньги еще фигурируют, Николай Владимирович.

– Фигурируют, да. Отдал бы – и мы бы сейчас с вами не беседовали, товарищ лейтенант.

– А раз судьба свела, поговорим откровенно. – Следователь умел поворачивать разговор в свою пользу. – Назовите два-три имени: кто, хотя бы теоретически, мог убить Глухову? Это вас ни к чему не обязывает, Николай Владимирович, так сказать, маленькая услуга милиции за доброе к вам отношение. Как человека, не постороннего органам, родственника сотрудника РОВД, сознательного гражданина и прочее.

Лейтенант смотрел в лицо Реута своими улыбочивыми васильковыми глазами. Молодость, наверное, и неопытность позволяли ему быть наивным и прямым, он явно не хотел уходить от Реутова ни с чем, ему обязательно нужно было потом, с важным видом или хотя бы со значительностью в голосе доложить Сидорчуку: «Товарищ подполковник, Реутов чист, я проверил. Но я расколосил его на два-три имени, ребята интересные, можно поработать».

Реут прекрасно все это понял, неторопливо полез в карман куртки за сигаретами и зажигалкой, предложил закурить и лейтенанту. Тот отрицательно помотал головой:

– Спасибо, не курю. Запах, знаете ли, жена не выносит. Да я и сам как-то не пристрастился, не тянет.

– Давно женился? – запросто спросил Реут, заботливо теперь пуская дым в сторону.

– Уже полгода.

– Уже!.. Молодец. Срок, конечно, значительный. А как звать-то тебя, лейтенант?

– Я же представлялся: Сергей Макашов.

– Не родственник тому генералу?

Макашов улыбнулся:

– Нет, однофамилец. Хотя вы не первый, кто задает этот вопрос, и это, знаете ли, мне мешает. Сразу у человека возникают параллели...

«Какие там параллели, – иронично думал Реут. – Тот Макашов – волкодав, еврейский ненавистник, а ты цыпленок с коротким хвостиком».

– Сережа, только давай без протокола, идет? Я тебе назову несколько фамилий, знаю ребят. Трое сидели, один на ходку давно уже просится... Но чтобы...

– Николай Владимирович, ни о чем не беспокойтесь! – Макашов схватился за шариковую ручку. – Все останется между нами, я только фамилии запишу. Милиция ни одного своего агента еще не продала, вы должны это знать.

«Уже агент, ну-ну». В душе Реут был доволен таким поворотом дела.

Нагнав на лицо вид напряженной работы мысли, он говорил:

– Тут, в Бабурино, Петра Слепокурова потрясите. Он по старой сто второй сидел, за убийство. Где-то у станции живет. Потом Сашка Чугунов, Чугун. Этот шоферит, на КаМАЗе катается по всей области, до девок охоч, знаю. Сидел за угоны машин. Еще Серегу Широкова, тезку твоего, лейтенант, можешь проверить. Этот скользкий как угорь. Частным извозом занимается, мотается по округе. Хотя, я слышал, у него сейчас машина в ремонте, стукнулся, что ли, занесло на дороге.

– Проверим, проверим! – мотал стриженной головой Макашов, радостно черкая у себя в блокноте. – Вчера сломался, сегодня починился... Еще кто?

– Еще один ухарь не в Бабурино живет, тут недалеко, на Солонцах. Он работал у нас в автохозяйстве, сейчас в каком-то АО деньги зашибает. Генка Юрин. Этот за поножовщину сидел, этому человека пришить – раз плюнуть.

Так-так.

Макашов захлопнул блокнот, бережно положил его в плоский, потертого вида дипломат с желтыми хилыми замочками, довольно глянул на Реута:

– В общем, Николай Владимирович, как я понял, все четверо имеют отношение к шоферской работе. Для нас это важно.

– Ну... наверное. – Реут вдруг сообразил, что отчасти уже выдал себя, что дал сыщикам вполне определенное направление поиска убийцы Татьяны Глуховой. Стал неловко, неуклюже поправлять положение:

– Глухову, конечно, могли и на мотоцикле увезти, и на лошадке. А то и волоком к Хопру оттащить. Мало ли!..

– Ну, волоком!.. На мотоцикле! Зимой какой дурак ездить станет?

– У меня сосед, Хрипушин, у него «Урал» с коляской, он всю зиму гоняет. Рыбак. Но он старый, конечно, какое там с бабами возиться.

– Но, может, все-таки и его записать? – Макашов снова потянулся к своему дипломату, шелкнул уже замочком.

Реут засмеялся:

– Так всех наших мужиков тебе придется переписать, Сережа. Хрипушину под семьдесят, забыл уже, наверное, как это делается. Молодых надо трясти, это их рук дело. Может, и залетные какие. Подхватили Глухову на дороге, в «Мерседес» или БМВ посадили, а потом и... – он не закончил фразу, выразительно глянул на сыщика.

Макашов поднялся, подал Реуту руку, сказал на прощание с прежней просительной интонацией:

– Николай Владимирович, если все же услышите что-нибудь конкретное... Ну, вы понимаете. Можно передать через Малыгина, он меня найдет. Чувствую, что дело это затянется, следов пока никаких.

Реут пожал плечами:

– Да вряд ли я что услышу! Что тут услышишь? Но, понятное дело, дам знать. Может, и через Юрку.

– Хорошо, спасибо. А это мы сегодня же раскрутим, – Макашов постучал согнутым пальцем по крышке дипломата. – За это мы вам благодарны.

– Да ладно, чего там!

Реут махнул рукой и вышел. В свою дезу он, разумеется, несколько не верил, даже не думал, что милиция станет заниматься этими парнями, которых он назвал; подумал, что пацан этот, Макашов, просто хитрит, дурачка из себя разыгрывает, а на самом деле щупал его, Реута, выпрашивал его о вполне конкретных вещах. Но, удивительное дело, спустя небольшое время он узнал от Малыгина (встретил того возле райпотребсоюза), что против двоих из названных им, Реутовым, возбуждены уголовные дела по подозрению в убийстве Глуховой, они задержаны и находятся в следственном изоляторе.

«Отлично! – думал Реут, обрадованный этой новостью. – Возитесь с ними, допрашивайте...»

Он стоял на ремонте, никуда не ездил, все бабуринские новости знал.

Не знал лишь, что все его показания, данные Макашову, тщательно проверяются. Но у Реутова в самом деле было надежное алиби – поездка в областной центр.

* * *

У Катьки проснулся шоферский талант, девчонку одолела жажда движения, управления послушным и быстроходным автомобилем, и теперь в каждый выходной, а то и в свободный светлый вечер она ныла:

– Николя-а-а, поедем покатаемся, а-а?

– Уроки сделала?

– Сделала.

– Ну, если мать не против...

Галина не возражала, наоборот. Она хотела, чтобы дочка научилась ездить на машине, чтобы у нее были права и чтобы она хоть немного разбиралась в технике. Галина и сама поначалу вознамерилась было сесть за руль, мало ли куда понадобилось бы съездить самой, не просить же каждый раз Николая, но «Жигули» Галину не слушались совершенно, машина глохла или выла, бросалась из стороны в сторону, как сумасшедшая. Хозяйка со всеми шоферскими премудростями явно не справлялась, не чувствовала автомобиль, не могла сосредоточиться на

выполнении сразу нескольких взаимосвязанных дел: нажимать на нужные педали, переключать скорость, вращать баранку да еще следить за приборами.

Затею эту – получить права – Галина скоро оставила, а вот увлечение Катьки всячески поощряла – мало ли как жизнь повернется, пусть учится, пригодится. Лишних знаний не бывает.

...Кататься Реут с Катькой поехали второго мая. День выдался на славу: тихий, солнечный, теплый, почти летний. На стекле машины, как и положено, у них красовалась буква «У», оба пристегнуты ремнями, сосредоточены и серьезны. Катька за рулем уже не новичок, машину ведет плавно, без рывков и шараханий по дороге. Рука у нее твердая. Ноги, правда, не доставали до педалей, но Реут передвинул сиденье, все стало нормально.

Ехали они сейчас небыстро. Голос Вики Цыгановой распевал:

Поцелуй меня, ты мне нравишься.

Поцелуй меня, не отравишься-а...

Реут тихонько подпевал ей, время от времени поглядывал на свою ученицу, поучал:

– Вот подъем, машине на прямой передаче тяжело, скорость мала, переключи на третью. Обгонять здесь нельзя, из-за бугра ничего не видно, а навстречу может выскочить какой-нибудь придурок, и тогда нам каюк. Скорости тоже плавно переключай, рычаг не дергай, а вот так...

Он клал свою руку поверх Катькиной руки, помогал ей перевести набалдашник рычага в нужное положение, руку потом не убирал, шевелил пальцами, играл.

– Ну, Николая-а-а, – тянула Катька. – Ты мне мешаешь.

– Я тебя учу, – в тон ей отвечал он, и оба они хорошо понимали, что к чему, намотали уже на мамкиных «Жигулях» не одну сотню километров, лучше узнали друг друга. Игра им обоим нравилась. Шестнадцатилетняя Катька поняла вдруг, что отчим проявляет к ней какое-то особое внимание, а Реут увидел к тому времени в падчерице молоденькую и притягательную женщину. То, что она была конопата и походила на мать, унаследовала ее грубые черты, его заботило мало – Катька компенсировала свой вид дурнушки живостью характера, общительностью и склонностью к авантюрам. Реут понял и отметил эту черту падчерицы сразу, как только она села за руль и немного освоилась. Говорила уже в третью поездку: «А давай этот грузовик обгоним, Николая?..»; «И чего мы за этим „Запорожцем“ тащимся?»; «А хочешь, я того, на белой „Тойоте“, завлеку, пусть нас догоняет?»

– Ты сначала ездить как следует научись! – сердился Реут, исподтишка оглядывая Катьку. Она здорово изменилась за эту зиму: пополнела, грудь и бедра налились, распирала тесные уже джинсы и голубой свитерок, нецелованные губы розовели свежим бантиком, время от времени открывая чудесные сахарные зубы. «Эх, достанется кому-то ягода-малина!» – вздохнул про себя Реут, прикидывая, как бы половчее, естественнее и незаметнее для сообразительной девчонки перейти от заурядного лапанья ее руки к более решительным действиям. О насилии и даже о грубом, прямолинейном его поведении и речи быть не могло, все должно получиться само собой. Надо зародить в девчонке какие-то новые мысли и чувства, не те, которые она испытывала по отношению к нему как к мужу своей матери, намекнуть ей, внушить, что вовсе не обязательно придерживаться каких-то правил, ведь он и Катька, в общем-то, чужие люди, никаким кровным родством не связанные, а значит, могут позволить себе нечто большее в своих отношениях, переступить некую грань.

Словами Реут не смог бы все так гладко высказать, как думал, в обиходе у него были простые расхожие слова и фразы, часто сдобренные нецензурщиной. А на юную душу надо было воздействовать тонко, с какими-либо комплиментами и обещаниями, постепенно открыть

перед ней мир запретов и притягательных наслаждений, в который она, конечно же, уже стремилась и который хотела познать. И Реут решил, что начнет эту кропотливую и рутинную для мужчины работу, которая может и не принести ему никакого успеха, наоборот, он потерпит фиаско, Катька нажалуется матери, а Галина, в свою очередь, может повернуть очень круто. Но Реут почувствовал главное, что придало ему смелости: Катька не прочь пофлиртовать с ним, познать то, что еще не познала, не предполагая, разумеется, чем все это кончится. Реут чувствовал также, что Катька доверяет ему, она убеждена, что ничего плохого отчим ей не сделает, что все их словесные шалости не что иное, как игра, настроение, а это позволительно. Это раскрепощало их обоих, снимало с отношений некую официальщину и строгую субординацию: я – дочка, пусть и не родная, а ты – отец, и по возрасту, и по морали. Но разница в годах у них была всего тринадцать лет.

– Слушай, Кэт, давай-ка нынче махнем в Николаевский, – предложил Реут, когда они выехали за город, на шоссе. – Каких-то сорок километров!.. Там кафе хорошее, перекусим, я тебя мороженым угощу. Хочешь?

– Ты решил за мной поухаживать, Николая? – Катька произнесла эту фразу нараспев, кокетливо заглянула в зеркало заднего вида, поплюнявила палец и подправила брови. – И теперь будешь звать так, да? Кэт? Я тебе нравлюсь?.. Ха-ха-ха...

«Авантюристка, конечно, – улыбнулся своим мыслям Реут. – Сопля зеленая, а лезет напролом».

– Нравишься, да, – взял он ее игривый тон. – Ты похорошела, расцвела в последнее время. Пацаны, небось, заглядываются?

– Не-а! – сказала она легко. – Ну их. Я для них все еще гадкий утенок. А ты меня дома тоже Кэт будешь звать? Или Катрин? Мне так больше нравится. Катрин... Кэт... Ха-ха-ха...

– Нет, дома я тебя по-прежнему буду звать Катей.

– Чтобы мама не догадалась ни о чем, да?

– А о чем ей догадываться?

– Ну мало ли! Что мы с тобой катаемся и ты меня за руку берешь и Катрин называешь. Что далеко повез и мороженым в кафе угощаешь.

– А что тут такого? Ты же не будешь ей говорить ничего лишнего? Ты хочешь других отношений? Равнодушия, разговоров сквозь зубы...

Катрин сморщила узкий свой лобик, дунула на челку, переключила скорость.

– Нет, я ничего, Николая. У нас с тобой нормальные отношения, зачем их менять? Я так, просто... Посмотрим, как ты себя дальше будешь вести. Но женщина многое может простить мужчине.

«Французских фильмов дурочка насмотрелась, – думал Реут. – Но это хорошо. Французы мне помогут».

Сорок километров до Николаевского, райцентра в соседней уже, Волгоградской области, они одолели минут за пятьдесят, Реут все же не позволял Катьке-Катрин ехать быстро, к машине надо привыкнуть, быть готовым ко всяким дорожным неожиданностям.

«Жигули» они поставили напротив кафе, ели шашлык и мороженое, негромко разговаривали. Игривое настроение Катьку не покинуло.

– Николая, а ты правду говоришь, что я... ну, что я сейчас по-другому смотрюсь?

– Правду. Ты у нас теперь как аленький цветочек.

Она вынула из сумочки круглое зеркальце, рассматривала свои нос, губы и щеки. Хмурила лоб:

– Врешь ты все, Николая. Как была я уродиной, так и осталась. И никто меня из школы не провожает, даже не оглядывается... А хочешь, Николая, я тебе тайну открою?

– Давай.

– Только ты дай слово, что смеяться не будешь и никому не станешь рассказывать.

– Кому же я буду рассказывать? Твоей матери, что ли?
– Тем более, маме нельзя! Это такая жгучая девичья тайна, что ты! Это только тебе можно доверять, Николая.

– Почему?

– Ты мужчина, а мужчины, я думаю, надежные друзья. Не болтливые. У нас в школе девчонки болтушки все ужасные... – Она вздохнула, убрала зеркальце.

– Так что у тебя за тайна, Кэт?

Катька опустила глаза, тыкала ложечкой в комок мороженого на блюде. Воздела потом глаза к потолку, протянула томно и загадочно:

– Нет, это тебе тоже не надо знать. Это тебя касается.

– Вот как! Подслушала что-нибудь? Или подсмотрела? – Реут внутренне напрягся: что, действительно, могла знать о нем эта конопатая пройдоха?

Неожиданно она покраснела, шлепнула его по руке:

– Да ну тебя! Поехали!.. Но... возьми в дорогу чего-нибудь выпить, а?

– Выпить? Или попить? – уточнил он.

– Я же сказала: вы-пить. Какой ты непонятливый, Николая. Что-нибудь легкого, белого вина или лучше шампанского.

– Тебе?

Катька засмеялась, повела плечиком.

– А чего ты так испугался? Я уже пила. «Советское шампанское». У нас в школе дискотека была, ну, мы скинулись, купили... Я и выпила стакан всего. А потом все девчонки наши с парнями по углам попрятались, а я, как дура, домой пошла. И никто мне про то, что я цветочком стала, не говорил. Один ты говоришь, Николая. Ты меня обманываешь, я знаю.

– Ты поменьше в зеркало свое смотришь, – посоветовал Реут. – Человек не может определить, красивый он или нет. Это ему другие говорят. Вот ты и слушай меня. Ты же мне веришь? Она помотала головой, отвернулась, не очень, видимо, веря в то, что он говорил.

– Хорошо, иди к машине, я сейчас.

Реут купил у бармена бутылку шампанского, пошел к машине; Катька сидела на правом, пассажирском сиденье и... курила!

– Ну ты даешь! – не смог он удержаться от изумленного возгласа. – Уже и куришь?!

– Да я так, папочка, балуюсь. Ты матери ничего не говори, ладно? Она расстроится, кричать будет.

– Да уж не буду. У тебя тайна за тайной.

Едва выехали на шоссе, Катька весьма умело свернула бутылке ее серебристую головку, слегка при этом облившись шипучей пеной, потом припала к горлышку, изрядно хлебнула.

– Ну вот, – сказала она в следующую минуту. – А то тоска какая-то. Теперь веселее.

Снова забила пробку, кинула бутылку на заднее сиденье, откинулась на спинке, полулегла. Сказала:

– Вот теперь кайф. Но не полный. Музыка нет. Киркорова поставить?

– Как хочешь. – Реут с интересом наблюдал за Катькой.

– Да ну его. Я лучше Цоя поставлю.

– Ставь Цоя.

Уже заметно стемнело, Реут включил ближний свет, ехали они не торопясь.

Почувствовал вдруг на своем бедре руку Катьки. Повернул к ней голову – она смотрела на него спокойно, по-взрослому.

– Знаешь, какая моя тайна, Николая?

– Ну?

– Я за тобой подглядывала, когда ты купался в ванной. У тебя дверь не закрыта была. Ты специально так оставил?

– Ну... – Он взял ее теплые мягкие пальцы в свою руку, сжал. – Как ты могла так подумать?! Просто, видно, открылась.

– Врешь ты. – Она отвечала на его пожатия. – Я знаю, ты маму не любишь. Ты с ней не спишь. Ты на меня та-ак иногда посмотришь!.. Я уже большая, я все понимаю. На меня из парней никто так не смотрит.

– И что же ты... что ты видела там, в ванной? – спросил Реут как можно равнодушнее: пусть, пусть она сама делает первые шаги. – Разве тебе это было интересно?

– Мне теперь это снится, Николая. Ты, наверное, хороший мужчина... Ты мне снишься. Я, наверное, влюбилась в тебя, Николая. Только ты не говори маме, ладно? Она меня приберет.

– Ладно, – пообещал Реут. – Не скажу.

Больше за всю обратную дорогу они не обмолвились ни словом. Каждый по-своему переживал и обдумывал ситуацию. И каждый ждал инициативы другого. Но ее в этот раз не последовало – надо было привыкнуть к новому положению вещей. Реут же дал себе слово: действий никаких предпринимать в отношении Катьки не будет. Но стоило это ему сейчас больших усилий – сердце бешено колотилось в груди, мучила плоть.

А Катька сделала вид, что задремала.

Но ждала. И тоже мучилась. Реут это видел.

Дома, в гараже, он допил шампанское, повозился с мотором, помыл машину. Нужно было отвлечься, успокоиться. И ничем не выдать себя: Галина – человек наблюдательный. Хорошо бы она не стала расспрашивать Катьку.

Но дома было все в порядке. Катрин-Кэт спала уже у себя в комнате, а Галина, лежа на диване в зале, смотрела телевизор.

– Как покатались? – спросила она, не оборачиваясь.

– Нормально.

– Получается у нее?

– Получается. Лихачить уже начала.

– А ты не разрешай. Разобьется еще.

– Да ну, скажешь!

– Есть будешь?

– Нет, мы с ней шашлыки в кафе ели.

– Ну хорошо, я тогда не буду вставать. Катерина тоже отказалась, тоже про шашлыки сказала. А лихачить ты ей не позволяй, Коля. Ума-то еще нет, машину плохо знает.

– Конечно. Не переживай. Разбиваться я не собираюсь.

7

Для работы на территории Бабуринского и прилегающих к нему районов группе Сидорчука отвели в РОВД тихий угловой кабинет. Здесь оперативники могли пообщаться, возвращаясь из поездок, здесь, практически в штабе по поимке неизвестного насильника-убийцы, разрабатывались планы его обнаружения и захвата, тут по крупницам собиралась информация о тех, кто мог быть этим безжалостным преступником.

В этом кабинете слушались доклады рядового оперсостава.

Лейтенант Макашов докладывал Сидорчуку:

– Товарищ подполковник, Реутова я по вашему указанию допросил. У него на день исчезновения Глуховой железное алиби: ездил в Придонск, вернулся домой поздно вечером. Записи в путевом листе соответствуют показаниям подозреваемого и подтверждаются механиком. Что касается Глуховой, то она ушла с работы в шестнадцать ноль-ноль, отпросилась по личным делам, ей нужно было посетить врача.

– Посещала?

– Да.

– Хорошо. Нужно еще проверить соответствие записей в путевом листе и фактическое время убийства Реутова из Придонска. Где он там был, вы уточнили?

– Конечно. На базе облпотребсоюза. Вез из Придонска сантехнику. Машина с грузом ночевала у дома Реутова, это подтвердила его жена. Склад уже был закрыт, а жена его работает в райпотребсоюзе, она и разрешила ночевку грузовика во дворе дома. Там собака, высокий забор, в общем, охрана надежная.

– Поезжайте в Придонск, лейтенант, установите фактическое время пребывания Реутова на базе облпотребсоюза. Это важно.

– Есть.

Сидорчук помолчал, полистал странички допроса Реута, спросил Макашова:

– Какое он на вас произвел впечатление?

– Нормальный мужик, товарищ подполковник. Очень открытый, контактный. Согласился помогать нам, назвал вот этих людей. – Лейтенант ткнул пальцем в столбик фамилий, записанных в блокнот. – И родственник его, Малыгин, наш сотрудник, дает Реутову хорошую характеристику. Он довольно часто с ним встречается, бывает у Реутова дома. Его жена, Галина, свояченица Малыгина. Поездки Реутова в основном однодневные, практически он у родни на глазах. Малыгин уверен, что с прошлым Реутов завязал. Он теперь баб... простите, товарищ подполковник, женщин за километр обходит.

– Возможно, это и так, – высказал свое мнение Сидорчук. – Но в поездках Реутов сам себе хозяин, его никто на трассе не контролирует – по десять – двенадцать часов. А за это время многое можно натворить: и в командировку съездить, и жертву на тот свет отправить.

Макашов благоразумно промолчал, хотя ему хотелось сейчас защитить Реутова, сказать, что «вот вы бы с ним поговорили, Михаил Васильевич, посмотрели на него. У вас было бы другое мнение».

Но начальник есть начальник, к мнению руководителя группы необходимо прислушаться и с ним считаться. К тому же перед Макашовым сидел сейчас зубр областного угрозыска, раскрывший десятки громких преступлений, у него была своя логика, а главное, огромный опыт, лейтенант это понимал.

– Версию «убийца среди бывших экзов» мы обязаны отработать особенно тщательно, – просто сказал Сидорчук, закуривая и закрывая папочку с протоколом допроса Реутова. – Конечно, Глухову мог убить и новичок, залетный гастролер, кто угодно. Но эта публика, – он коснулся пальцами папочки, – особенно изощрена и опасна. Он себе и алиби обеспечит, и все мелочи обдумает. Опыт.

– Я понимаю, Михаил Васильевич.

– А раз понимаешь, давай сейчас на поезд и поезжай в Придонск, на базу облпотребсоюза. Поспрашивай там тех, с кем Реутов контактировал в день исчезновения Глуховой, документы посмотри. Когда прибыл, кто грузил, что грузил, когда Реутов уехал. А мы тут пока другими делами займемся.

...Сидорчук не стал, разумеется, говорить Макашову, какими именно делами собирался он заниматься в отсутствие лейтенанта. Тому вовсе не обязательно было об этом знать. Тем более что речь шла о сугубо оперативной, секретной работе, о действиях старшего лейтенанта милиции Хуторянской, которая, выполняя роль «случайной пассажирки», дней десять уже каталась с интересующими уголовный розыск водителями по дорогам, прилегающим к Бабу-рину.

Обставлялось это просто: за нужной машиной увязывался неприметный «жигуленок», Хуторянскую высаживали где-нибудь на дороге, в населенном пункте или на перекрестке магистралей, она голосовала, просила подвезти.

Ничего существенного за эти дни не произошло. Интересующие уголовный розыск водители вели себя вполне прилично, никто из согласившихся подвезти симпатичную девушку не позволил себе ничего лишнего, не заставил старлея милиции выхватывать из-под куртки «макаров». Хуторянская, безусловно, сумела бы за себя постоять, девушка она была боевая, не из робкого десятка. Да и знала: в полукилometре за ней катит опергруппа, которая прекрасно слышит разговоры в кабине грузовика или легковушки – на правой лодыжке Людмилы закреплен скотчем миниатюрный радиопередатчик.

Конечно, опергруппа знала, куда именно едет нынче Реутов: диспетчер автохозяйства, предупрежденный майором Елецких (именно он сидел за рулем серенького «жигуленка») об ответственности за разглашение тайны, дала соответствующую справку. И даже прокомментировала:

– В Хоперске ему надо быть к десяти, мы там закупаем сахар. Погрузка займет часа полтора, не больше, грузчики местные, не наши, Реутов едет один. Задержки в пути бывают, конечно: двигатель забарахлит, колесо спустит. Но у него хорошая машина, новая. И шофер он хороший, грузовик у него редко ломается. А час-другой водитель в пути может потерять, движение на трассах напряженное, скорость ограничена, ГАИ, или как она там сейчас называется... ГИБДД, ага, шоферов трясут. Так что на поездку, как правило, день и уходит, мы рабочий день водителя так и планируем. Рано утром уехал, к ночи должен быть дома.

– Спасибо, – поблагодарил Елецких диспетчера. – Все понятно.

Оперативники, не светясь, потихоньку проводили Реутова до Хоперска, издали понаблюдали за погрузкой мешков с сахаром, а на обратном пути высадили Хуторянскую у села Ильменское, на его окраине.

Хуторянская, завидев ЗИЛ Реутова, отчаянно замахала рукой – подвези, ради Бога! Умолилась стоять, а день уже к вечеру катится.

В руках Людмилы – небольшая дорожная сумка, сама она в легкой кожаной куртке, в джинсах и кедах – обычный вид современной женщины, налегке отправившейся в недалекое путешествие.

– В Бабурино, шеф, а? – снизу, с асфальта, она просительно заглядывала в лицо Реута. – Подвези, пожалуйста! Все ноги уже простояла.

– Садись, – кивнул он, окидывая наметанным взглядом ладную фигуру молодухи, ее блестящие каштановые волосы, стянутые на затылке обыкновенным резиновым кольцом, полные чувственные губы. Молодуха была что надо, к тому же контактная, разговорчивая. Едва села, заполнив кабину ароматом хороших духов, сразу же стала рассказывать:

– Сколько «Жигулей» этих, «Волг» проскочило – никто не взял. Что за народ! Сами едут, а ты стой.

– Такую-то красавицу и не взять?! – он сделал ей осторожный комплимент, прощупывал почву.

– Я, конечно, не всех останавливала, – призналась Людмила. – К черным не просилась, там, где в кабине трое-четверо, тоже не лезла, мужики нынче разные. А где баба сидит, те не останавливают, они мужьям не разрешают. Зато черные сами из машины выскакивают: «Пажалуста, барышня! Садись, дарагая! Мягко будешь ехать, можешь па-алежать, у меня кабина – как гастиница». Ха-ха-ха... Нашли дурочку. «Па-алежать». Сам лежи!

– А что не железной дорогой поехала? – спросил Реут, внимательно поглядывая в зеркала заднего вида.

– Так это сначала надо в Хоперск ехать. А чего ради? Тут вышла на дорогу, махнула рукой... Добрая душа все равно остановится. И может, даже денег не возьмет. Откуда у бедной одинокой женщины деньги?!

– Не работаешь, что ли?

– А то! Где у нас в Ильменском работать? На почте около года сидела, марки на конверты клеила да бандероли заворачивала. Да и то, пока Анька Кожухова в декрете была. А вышла она, и меня – фьють, на улицу.

– А в Бабурино зачем?

– Да все за тем же, работу искать. У меня дядя там на железной дороге, диспетчером работает, обещал кассиром на вокзал устроить, кто-то у них там на пенсию собирается. Вот еду, может, повезет... Слушай, у тебя курить можно?

– Кури.

– А ты? Могу угостить. На вот пачку, за работу.

– Гм. Давай. – Реут повертел дешевенькие сигареты в руке, зубами вытащил одну. Сгодятся и такие, ладно.

Хуторянская закурила сама, поднесла огонек зажигалки к лицу Реута. Он склонил голову, зачмокал губами и вдруг в оттопырившейся куртке пассажирки увидел коричневую рукоятку «макарова». Это было мгновение, секунда, сама пассажирка ничего не заметила, но Реуту было достаточно, чтобы его мысль заработала с необыкновенной энергией.

«Кто это? Шмара, имеющая ствол на всякий случай? Или крутая какая? А где-то рядом ее кореша. Проследили, как я грузил сахар, сели на хвост...» – лихорадочно думал он.

Реут снова глянул в зеркало заднего вида на левой стороне кабины. Вроде бы ничего подозрительного. Где-то далеко позади тащился голубой, как и его ЗИЛ, «газон». Он не отставал, но и не обгонял. Да и с ЗИЛом ему пободаться, в случае чего, будет сложно. Впрочем, деваха эта и села к нему, Реуту, в кабину, чтобы «газону» не бодаться. Ишь, как заговаривает зубы, отвлекает его внимание, в совместное курево втянула, сигареты подарила. Просто так, что ли?! Ха-ха! Либо ждет сигнала с этого «газона», либо условленного места. Где-нибудь ждут ее подельники. А она, как только их увидит, сейчас же пушечку свою из кармана выхватит и ему в нос: «Хенде хох! Сидеть и не шевелиться: жить хочешь? Выходи из кабины и ложись на землю. Руки за голову. Ты ничего не видел...»

Вот сучара, а! Надо же, кого в кабину посадил. Сам промышляет, а тут, оказывается, и за ним охота. Конечно, полный грузовик сахара – это большие деньги. Один мешок сейчас за шестьсот рублей можно толкнуть, а их тут...

Да, «газон» не отстает. Конечно, налегке, двигатель мощный, бегают машина быстро. И сидит там бригада «ух». «Газон» под тентом, мешки перегружат быстро, а его, Реута, свяжут. Хорошо бы в живых оставили. А то эта деваха кокнет, как только он притормозит... Или баллончиком в глаза брызнет.

Реут зябко повел плечами, искоса глянул на пассажирку. Хуторянская сидела в свободной позе, беззаботно рассуждала:

– Конечно, хорошо бы в Бабурино устроиться. Крупный железнодорожный узел, рай-центр. Квартиру бы я нашла, дядя обещал. Да и у них пожить можно, дом большой.

– А где он живет? – на всякий случай спросил Реут. Он решил проверить пассажирку.

– А на Привокзальной. Номер дома я не помню, сорок второй, кажется, он сразу за магазином, еще крыша у него под черепицей и петух на трубе из белой жести. Может, видел?

– Черт его знает! У нас петухи, считай, на каждой трубе, и у меня есть. Мода какая-то, все понаставили.

Голубой «газон» из зеркала пропал, свернул с асфальта, запылил по проселочной дороге слева, Реут хорошо его видел и малость успокоился. Значит, он не из шайки этой, с «макаровым». Что ж, хорошо. Можно осмотреться и подумать. На дороге они сейчас практически одни, далеко впереди катил «жигуленок» неопределенной какой-то масти, встречных почти не было. Солнце светило уже справа, по-вечернему низко висело над землей, освещало кабину ровным золотистым светом. Вдоль шоссе, справа и слева, под стать заходящему солнцу, желтели громадные поля подсолнуха, вид земли был нарядный, радовал глаз.

«Почему она с пушкой? – мучительно размышлял Реут. – Зачем она ей? И кто она такая, в самом деле?»

Хуторянская сидела спокойно; казалось, что пассажирка увлечена дорожной картиной, не обращала какого-либо особого внимания на него, водителя, но Реут звериным своим чувством ощущал, что она все-таки напряжена не меньше его, что ее тоже что-то беспокоит. Однако ни словом, ни каким-либо действием она не проявила этого беспокойства, не выказала его, но он теперь наверняка знал, что она села к нему в кабину не случайно, что от пассажирки можно ждать чего угодно. Из любезной и болтливой она в один момент может превратиться в агрессивную и опасную. Но он знал ее тайну, знал, что она вооружена, и, что бы теперь ни случилось, он успеет помешать ей, элемент внезапности уже не сработает, она не застанет его врасплох. Неужели он, здоровый молодой мужик, не справится с женщиной?! Еще как справится. Пусть только она попробует выдернуть дурацкую свою пушку. Тотчас получит удар в голову или в шею, отлетит к дверце. И бить ее надо так, чтобы она потеряла сознание и больше уже не мешала ему. Если она с сообщниками и те где-то поджидают их на дороге, то он, Реут, просто так им в руки не дастся. У него в руках мощный и тяжелогруженный ЗИЛ, его так просто не остановишь, это грозное оружие в руках умелого шофера. К тому же у него будет теперь и пистолет этой красотки, а с «макаром» он, Реут, обращаться умеет.

Да, у нее может быть и газовый баллончик, это тоже коварное оружие, но все равно он теперь знает, что красотка эта – себе на уме, что-то задумала и воспользоваться преимуществом, внезапностью не успеет. Он будет исподтишка следить за ней, караулить каждое ее движение. Да и нож под рукой – вон, в кармане куртки.

Реут по-прежнему вел с пассажиркой ничего не значащий разговор о погоде и подсолнухах, улыбался, шутил, но боковое его зрение все фиксировало и сообщало мозгу: деваха заметно нервничает, тоже зачем-то поглядывает в зеркало заднего вида, что справа от нее, иногда отвечает невпопад, переспрашивает. Туга на ухо, что ли? Да нет, просто думает о чем-то, их разговору значения, как и он, не придает, болтает просто так. Улыбка ее натянута, фальшива, она явно играет общительную и благодарную попутчицу, но играет плохо, неуверенно, словно опасается переиграть и выглядеть оттого неправдоподобно.

– А что это у вас тут ручки нет? – спросила Хуторянская, не придав этому факту какого-либо особого значения, а Реут от ее вопроса похолодел. «Да она из ментовки, не иначе! – обожгла его догадка. – Кто еще может спросить об отсутствующей на дверце ручке?!»

– Она там, в бардачке, – как можно спокойнее отвечал он. – Соскочила. Пружинка там такая есть, защелкивает ее. Потерялась. Я стеклоподъемник на днях чинил, стекло что-то не поднималось, вот пружинка и прыгнула куда-то. Завтра в гараже спрошу у ребят или у механика.

Пассажирку это объяснение, кажется, удовлетворило...

Знала бы Хуторянская, как она себя выдала! Сразу бы поняла, что ничего нужного из ее поездки уже не выйдет, что уже через час она будет вынуждена рассказывать Елецких и Сидорчуку – о поведении Реутова ничего плохого она сообщить не может...

А он миновал поставленный для него капкан.

Сначала желторотый лейтенантик, Макашов, подъезжал, теперь эта... Люда. Или ее по-другому как-то зовут? Впрочем, какая разница?! Главное, что он понял, с кем имеет дело, увидел оружие, опасность для себя. Значит, предпринимать ничего не будет. А так бы, конечно...

Реут бросил быстрый взгляд на бедра Хуторянской – ладные они у нее, аппетитные. И грудь торчит, хорошая грудь, большая. Не то что у иных, инфантильных девиц, прыщи, а не груди, не за что ухватиться.

Да, повезло ему нынче, повезло. Пушку увидел, понял, что к чему. Во всяком случае, предположил, как могут события развернуться. Может, конечно, она и не из ментовки и не

охотится за ним, а едет по каким-нибудь другим делам, но то, что девка у него в кабине не из простых, это он знал.

– Если что нужно будет там, в Бабурине, Люда, найдите меня в автохозяйстве райпотребсоюза. Вещи перевезти, если устроитесь, или дяде вашему транспорт будет нужен...

– Спасибо. Но что наперед говорить, Николай? Надо сначала работу найти, а вещи... Хорошо, я буду иметь в виду, позвоню. Вдруг наше знакомство пригодится. Если я кассиром устроюсь на железную дорогу... Понятно, да?

Он кивнул, внутренне перевел дух – показалось Бабурино. Теперь уже ничего не должно было бы случиться.

– Вас к вокзалу, Люда?

Она рассеянно глянула на него:

– Если можно. Я была здесь один раз, плохо ориентируюсь.

Они расстались друзьями. Хуторянская подала руку, ласково улыбнулась Реуту, а он на лишнее мгновение задержал ее пальцы, что любой бы женщине сказало: а ты мне нравишься...

* * *

«Если она из ментовки, то лучшего алиби мне не надо, – подумал Реут, едва Хуторянская скрылась в вокзальной двери. – Подвозил оперативницу, или кто там она есть, трепался с ней всю дорогу. Она запомнила меня, я запомнил ее. Сейчас у меня в запасе примерно полчаса, а больше и не надо. Успею».

Перед глазами его стояла Римма Гришина – юная красавица с Багряной улицы, по которой Реут ездил не раз и знал ее как свои пять пальцев. Знал и дом, где живут Гришины, Римма и ее мать, железнодорожница. Сейчас мать Риммы должна быть на работе, в эту неделю она трудится на станции во вторую смену, вернется домой после полуночи, когда дело будет сделано...

Машину Реут поставил у магазина «Продукты» на соседней улице. Кузов его ЗИЛа надежно укутан брезентом, никто, конечно, не знал, что там, под ним. Да и светло возле магазина, на столбе светит яркая большая лампочка, и магазин еще работает. Кто рискнет подойти на глазах у всех к грузовику? К тому же водитель оставил включенные подфарники, давая знать, что он где-то здесь, поблизости, вошел вот в магазин, купить сигарет или водки.

И в магазине Реут потолкался минуту-другую, купил копченой скумбрии, что-то вдруг остро захотелось рыбки, пару бутылок пива. Подумал, купил еще, вспомнил, что и Галина любит пиво, вот они с ней и посидят за столом. Пошутил с продавщицей, спросил, почему сахар... Словом, память о себе на этот час оставил, пригодится.

Быстро сунул покупки в кабину, захлопнул ее, покурив, сдерживая сердце, – очень рискованную он задумал расправу, очень! Дерзкую и наглую. Но в нем уже проснулся азарт охотника, близость опасности щекотала нервы; понимание того, что его ищут, ломают головы над тем, как схватить насильника-убийцу на месте преступления или хотя бы выйти на его след, придало ему сил. В то же время, если у него все хорошо получится, тень подозрения падет на кого-то другого, на тех, с кем Римма Гришина общалась, кто проявлял к ней знаки внимания. Реут жил неподалеку от Гришиных, на параллельной улице, не раз видел девушку – писаную, конечно, красавицу, над которой мать просто дрожала. Сокровище было, действительно, еще то. Где-нибудь в областном центре и тем более в Москве Римме цены бы не было за ее фигуру и внешность. Длинные, ниже плеч, пушистые русые волосы, синие-синие глаза, великолепная улыбка... Конфетка, а не девушка. Ей бы на подиуме ходить, в кино сниматься или, на худой конец, стать фотомоделью. А она пропадает тут, в захолустье, в замызганном российском райцентре, на пыльной улице с безликими одноэтажными домами, которые сами себя веселят жестяными петухами, среди скучных людей и серой, однообразной жизни. В этом

году Римма закончила школу, куда-то, говорят, собиралась поступать, но мать была против, чтобы она далеко уезжала от дома, и Римма согласилась на железнодорожный техникум.

Взгляд Реута скользнул по серой коробке телефона-автомата, висящего на стене магазина. В голову ему тут же пришла хорошая идея, он шагнул к телефону, набрал номер Малыгина, сказал:

– Юра, привет, это я, Николай. Слушай, у меня есть сообщение для милиции, ты там передай, если кого это заинтересует... Да, думаю, в угрозыск. Я недавно из Хоперска приехал, сахар привез. По пути одна дамочка в кабину напросилась, я ее сюда, в Бабурино, привез. У нее пушка, понял? Ну, случайно увидел, она нагнулась, а под курткой – рукоять... Ну, что я, «макарова» не видел? В общем, вы соображайте сами, она у вокзала сошла, сказала, что дядю пойдет искать, он у нее на железной дороге работает. Назвалась она Людмилой, а приметы такие... – Реут добросовестно перечислил приметы Хуторянской.

– Понял, Николай, спасибо! – бодро ответил на том конце провода Малыгин. – Я сейчас ребятам из уголовки скажу, пусть подсуеются, кто-нибудь подскочит к вокзалу.

«Вот так, господа легавые!» Возбуждение Реута усиливалось с каждой минутой, будто внутри раскручивалась пружина, заставляла его делать то, что он делал в данный момент: прячась в тени домов, быстро шел на соседнюю улицу, где, ничего не ведая, не чувствуя опасности, сидела взаперти красивая молодая девушка, что-то вязала и поглядывала на экран телевизора.

Калитка была заперта, Реут перемахнул через невысокий забор, оказался во дворе дома, где, он это тоже знал, на веранде есть вторая дверь, выходящая в сад и огород, и она, эта дверь, может быть не закрыта.

Так и оказалось.

На цыпочках он осторожно прошел по скрипучим доскам пола веранды, тихонько потянул дверь кухни с тусклой голой лампочкой под потолком, пригляделся. В горницу, или зал, по-современному, вела еще одна дверь, она была открыта, и Реут сразу же увидел Римму. Девушка сидела к нему спиной, покачивала голой ногой, закинутой на другую ногу, была увлечена каким-то телеконцертом, где парень, нарядившись женщиной, пел за нее известную песенку, поднимал подол черного пышного платья, а потом ринулся в зал и накрыл этим подолом какого-то мужика.

Смеясь над проделками пародиста, Римма, заслышав шаги, повернула голову, увидела Реута, вскочила в испуге:

– Вы... что? Вы как сюда попали?

– А через дверь, Римуль. Через веранду. Она же открыта у тебя. Я стучал с улицы, но ты не слышала, смотришь вот...

Приближаясь, Реут не сводил с девушки настороженного взгляда, стерег каждое ее движение. Острые спицы в руках умелого человека – хорошее оружие, он это понимал, но Римма явно не подумала об этом, на ее лице вместе с растерянностью жило и недоумение: что нужно этому человеку, который знал ее имя, которого она, помнится, видела где-то на улице... или нет-нет, он же приходил к ним в дом, ремонтировал по просьбе матери их отопительный котел, возился тут со сваркой.

– Но... мамы нет дома, она на работе, вы что-то... хотели, да?

– Я знаю, Римуль... Мама мне не нужна. Ты вот что... жить хочешь? И не тяни, говори быстро, у меня мало времени.

– Да-а... Но денег у нас нет, мама давно не получала зарплату, а я только... школу закончила, я...

– Мне не нужны деньги, Римуль. – В руках Реута блеснул нож. – Ты разденься, Римуль, ляг там, в спальне у себя. Ну, живо!

Девушка, как замороженная, смотрела на нож, медленно, спиной, отступала к спальне, села уже на кровать с пышной старинной периной, доставшейся ей от бабушки, и высокой горкой подушек.

– Давай по-хорошему, красавица. – Реут шел за ней следом. – Я ничего плохого тебе не сделаю, поняла? Малость побалуемся, и все. Ты мне покоя не даешь, спать из-за тебя перестал. Раздевайся, быстрее!

Она потянула пояс, халат аккуратно повесила на никелированную грядущку, сняла лифчик и трусы. Легла.

В спальне был полумрак, свет сюда падал из зала, но белое тело девушки Реут хорошо видел и осязал. Тело Риммы Гришиной одуряюще-вкусно пахло молодостью, незнакомым каким-то ароматом, благоухало свежестью и чистотой. И лишь сердечко девушки колотилось так, что Реут снисходительно посоветовал:

– Да что ты, дуреха, так испугалась? Ничего страшного не будет. Удовольствие получишь. Расслабься. Была когда-нибудь с парнем?

– Н-нет... Но один мужчина... так же вот, как вы... Он пальцами... Я вырвалась, убежала. И никому ничего не сказала, мне было стыдно и страшно. Он убить пригрозил, если скажу.

– И я убью. Запомни это. Если вякнешь кому... Мне все равно. А тебе не жить... Сейчас же ты по согласию, так?

Римма заплакала, замотала головой.

– Да. Да. Только не убивайте. Я согласна, я сама вас позвала, мы с вами договорились о встрече... И я специально дверь в сад не закрыла.

– Вот правильно, молодец. – Реут кайфовал. – И бояться тебе нечего, раз по согласию... Ты подушки-то убери из-под головы, они мешают. Вот так, моя хорошая, вот так. Лежи спокойно. А лучше – подыграй, чего так-то! Вот. А раз я у тебя не первый, я у тебя второй, как этот парняга сейчас пел, ага? И чего нам с тобой пальцами, зачем? Так же лучше, чувствуешь? Природа все предусмотрела, зачем нам с тобой всякими извращениями заниматься?! Хорошо, лапушка, хорошо. Работай, моя сладкая, работай!

Реут жарко нашептывал эту любовную чушь в самое ухо девушки, гладил ее сочные, спелые уже груди, целовал плечи, заставлял отвечать на его торопливые и грубые толчки. Он дурел от шелка и запаха ее кожи, от удовольствия, которое получал, и жалел лишь о том, что скоро, очень скоро все это кончится, надо будет уходить, бежать к машине, быстро ехать на склад, чтобы, возможно, разгрузиться, быть на глазах людей, которые потом обеспечат ему алиби своими показаниями...

В следующую минуту, застегиваясь, Реут велел и Римме:

– Поднимись, оденься. Я тебя свяжу, полежишь в коридоре. Скажешь матери, когда она с работы придет, что двое, в масках, залезли к вам, деньги требовали. Вы же платки вяжете, на рынке ими торгуете, вот они и решили... Поняла?

Римма послушно, затравленно кивала.

– Я поняла, я маме ничего не скажу про вас...

– Ну вот и умница. А сейчас повернись, руки за спину.

Бельевой веревкой, найденной на кухне, Реут связал девушку. Другим концом задушил ее, повалив на пол, нетерпеливо наблюдая, как уходит из юной и прекрасной фемини жизнь.

А жизнь из нее ушла, сомнения в этом не было.

Выключив в доме свет, Реут все тем же путем, через дверь веранды, вернулся на улицу, бегом преодолел те несколько сот метров, что отделяли дом Гришиных от его ЗИЛа, и уже через несколько минут сидел в кабине. Темнота, мелкий накрапывающий дождь помогли ему – никто не встретился на пути, никто его не видел у дома Гришиных.

Он глянул на часы – в кабине ЗИЛа он отсутствовал сорок три минуты.

Чуть больше, чем планировал.

Ничего, эти три четверти часа можно свалить на двигатель – не заводился. Или засорился бензонасос. Или... Он что-нибудь придумает, это несложно.

8

Как-то незаметно, без особой спешки пришло на прихонерскую землю лето. Отцвели майские белокипенные сады, растянулись дни, тепло нежило зеленые нарядные поля, и в этой неге блаженствовало и наслаждалось жизнью все живое.

Реут стоял на ремонте. Ничего страшного с его ЗИЛом не случилось, но в одну из поездок, не рассчитав радиус разворота, смял левое крыло, зацепился, сдавая назад, за бетонную тумбу у склада.

Механик автохозяйства ругал его не особенно, сказал, мол, сам изуродовал машину, сам и чини.

Пришлось снимать крыло, править, грунтовать и красить. Нужного колера краски не нашлось, и Реут решил покрасить всю кабину в новый цвет, который чем-то напоминал «морскую волну» его «жигуленка».

Этим он и занимался уже несколько дней, являясь на работу к девяти утра, а то и позже, – отсыпался. Водитель, машина которого в ремонте, сам себе голова.

И нынче Реут проснулся около восьми, услышав стук двери – Галина ушла на работу. Он знал, что на столе их с Катькой ожидает завтрак – бутерброды, чай или кофе, сосиски со свежесваренной вермишелью. Катька часто вставала и после него, спала до одиннадцати, потом валялась в постели, смотрела телевизор в своей комнате – Галина купила ей небольшой цветной «Samsung».

Реут полежал, позевал, размышляя, чем именно он будет сегодня заниматься. Крыло после грунтовки подсыхало, красить можно было только завтра, но занятия на машине, конечно же, найдутся. Надо снять с кабины зеркала, облицовку радиатора, заклеить бумагой стекла, смазать солидолом никелированные части. Словом, приготовить кабину к покраске. А потом его ЗИЛ снова будет выглядеть новым, привлекательным, в такие машины пассажиры садятся охотнее.

Он подумал о пассажирке с «макаровым», Людмиле, которую вез из Ильменского и которая обратила внимание на отсутствующую на правой дверце ручку, решил, что нужно как-то по-иному заблокировать своих «клиенток», но ничего путного придумать не смог. К тому же эта Людмила была единственной, кто заметил, что ручки нет, она в живых и осталась. При случае, когда Малыгин заскочил к нему в гараж долить тосола в свой допотопный «Москвич», Реут мимоходом, с самым равнодушным видом поинтересовался: как, мол, ту девицу, что он вез, нашли?

Малыгин поморщился, махнул рукой, сказал неопределенно:

– Все там нормально. Парни наши разобрались.

Этот ответ окончательно убедил Реута, что ему фантастически повезло в тот день: явно, он вез человека из правоохранительных органов, в этом теперь не было у него никакого сомнения, как и в том, что его активно ищут.

Чувствуя себя, видимо, обязанным (Реут не раз его выручал), Малыгин сообщил:

– Римму Гришину в доме задушили, слышал?

– Да, мне Галина рассказала. Польстился кто-то на деньги, они с матерью, говорят, бизнесом занимались, платки вязали.

– Платки не тронули, кто-то, наверное, спугнул убийцу.

– Он один, что ли, был?

– Предположительно, двое. Но это так, рабочая версия. Парни из угрозыска на ухах стоят, ищут. Из области целая бригада приехала.

– Я знаю. Меня ведь допрашивали. Наверное, и в этот раз поволокут. – Реут усмехнулся. – Я теперь стал все записывать: где был, когда приехал, когда уехал, кого и куда вез.

Малыгин, слушая работу двигателя своего «Москвича», махнул рукой:

– У тебя все чисто на этот день.

– А ты откуда знаешь? – Реут внутренне напрягся. – Ты же во вневедомственной охране.

– Я не родня тебе, что ли? Спросили у меня, я спросил Галину... Надо думать, тебя сразу же и проверили, раз на подозрении. Но это хорошо, Николай, раз проверили, спи спокойно. Но ты... это... держи язык за зубами, я тебе ничего не говорил. Понял?

Реут закивал, переменял тему разговора:

– Клапан у тебя какой-то подстукивает. Давай, если хочешь, я перетяну, приезжай в воскресенье.

– Ладно, я подумаю. Ездить пока можно, стук несильный.

– Ездить можно, да.

Сейчас, вспоминая этот разговор, Реут тихо торжествовал: ему все-таки удалось ввести ментов в заблуждение, алиби он себе обеспечил железное. В самом деле, весь его рабочий день на виду: убыл в Хоперск во столько-то, грузился, выехал во столько-то. Вез некую Людмилу с «макаровым», стукнул на нее в РОВД. Чем не помощник милиции?! Потом постоял у продмага, поехал к складу, разгрузился. Никто точно не сможет сказать, во сколько именно он подъехал к складу, погрешности в показаниях людей все равно будут, а эти «погрешности» и съедят те самые сорок три минуты...

Да Малыгин это уже и подтвердил, сам не зная, какую информационную услугу оказал своему родственничку.

Теперь можно перевести дух.

Особенно после новой «беседы» с лейтенантом Макашовым. Тот, оказывается, не поленился съездить в Придонск, на базу облпотребсоюза, уточнял там время убытия-прибытия, но Реут легко справился с его вопросами. Сказал, что около трех часов потратил в городе на поиск автозапчастей для ЗИЛа и «жигуленка», побывал в нескольких магазинах и на авторынке «Северный». Да еще хороший большой торт покупал, Галина велела, у Каткиной подружки был день рождения.

Макашов, кажется, удовлетворился ответами, попросил его, Реута, как водится, подписать каждую страничку протокола, для того чтобы ловить его на неточностях в будущем. Потом спросил о недавней поездке в Хоперск за сахаром. В этот раз он вопросов задавал немного: знал, наверное, кого вез Реутов в кабине, во сколько заехал на склад под разгрузку.

Да, милиция шла за ним по пятам. Но все же наступить Реуту на пятки им пока не удалось.

Убийство же Риммы Гришиной уводило сыщиков в неизвестность.

Он, Реут, хорошо все продумал и организовал. Молодец.

В приоткрытой двери Реут увидел вдруг Катку. Она, розовая со сна, в короткой, выше колен, комбинации, стояла по ту сторону дверного проема, смотрела на него, улыбаясь, озорно, игриво прищурившись.

– Николая-а, ты почему не работаешь? – нараспев спросила она. – И кто же будет кормить свою любимую дочку Катрин?

Она открыла дверь пошире – из окна, из-за ее спины, хлынул в комнату яркий солнечный свет, комбинация насквозь теперь просвечивалась, и Реут отлично видел ладное тело Катки. На ней ничего больше не было, девчонка наверняка знала, догадывалась, что «светится» в лучах солнца, но не торопилась уходить из дверного проема, как бы намеренно давая «Николая» разглядеть себя получше. И он не торопился прикрыться хотя бы простыней – в доме было душно – лежал в одних трусах, широко раскинув ноги, и Катка охотно оглядывала его стройную мускулистую фигуру.

– Я на ремонте, Кэт, – сказал Реут. – Сейчас пойду на работу, так что голодная смерть любимой дочке не грозит.

Она подошла, села к нему на постель.

– А знаешь, Николая, мне сегодня та-акой сон снился... о-о...

Она сладко и протяжно потянулась, выгнула, как кошка, спину, комбинашка ее совсем задралась, обнажив толстые бедра и нежные округлости ягодиц, и Реут не на шутку заволновался. Катька сама лезла к нему в постель, бесстыдно и безоглядно, и он не знал, что делать. Овладеть падчерицей ему ничего не стоило, но она по-прежнему не делала решительных шагов, а лишь дразнила его, «заводила».

– И что же ты видела во сне? – хрипло спросил он, чувствуя, что владеть ему собой с каждой минутой все труднее.

Она провела пальчиком по волосатой его ноге.

– Вроде мы с тобой, Николая, на речке купались, на Хопре. – Катька с интересом следила за его реакцией, страдальческим выражением лица. – И знаешь, в таком месте, где никого больше нет. Только ты и я. И как эти, нумизматы, голые.

– Нумизматы, кажется, старые монеты собирают, – неуверенно поправил он. – А голых как-то по-другому называют... А, вспомнил: нудисты!

– Ну хорошо, мы нудистами были. – Она продолжала водить пальчиком, забираясь по ноге все выше. – Только ты – голый, а я – обнаженная. Чувствуешь разницу?

Не выдержав ее прикосновений, он хмыкнул, спустил ноги с диванчика, сел, прикрывая пятерней бугор под трусами.

– Слышь, Катерина, где ты этой премудрости набралась? «Голый», «обнаженная»... Книжки, наверное, такие читаешь?

– Мне все это снится, Николая. – Она легонько прижалась к нему горячим плечом. – Почти каждый день. Но я никому, кроме тебя, не могу об этом рассказать, понимаешь? Сنيшься же ты! Как я могу кому-то об этом рассказывать?! И не собираюсь, вот. Что бы мне еще ни приснилось. Или...

Теперь она смотрела ему прямо в глаза. Глаза ее кричали: «Это правда, Николая! Я буду молчать, что б со мной ни случилось. И никто никогда ничего не узнает. Ну что я могу с собой поделать, если я уже взрослая, тело мое созрело, мне так хочется ласки и внимания мужчины, а ты такой ладный, сильный... Николая! Ты умеешь ухаживать за женщинами, я знаю...»

«Не делай этого, Николай, не надо! – вопил кто-то другой в душе Реута. – Девчонка потеряла разум, а потом она все расскажет матери и... Ты не торопись, это не уйдет. Повяжи ее чем-нибудь. Возьми себе в помощницы, что ли. Ехали с дочкой по делам, подвезли кого-нибудь из молодых бабенок, а потом... С девчонкой в кабине – кто подумает о плохом?»

– Николая, ты же говорил, что любишь меня. – Катька ерошила его волосы теплыми своими пальчиками, прижималась. – Помнишь тогда, в машине? Когда мы ездили в Николаевский?

– Это ты говорила, что влюбилась в меня.

– А ты разве нет?! Я тебе не нравлюсь, да? А что же ты меня цветочком называл? Николая-а-а...

Она повисла на нем, обмякла.

– Я целоваться хочу, Николая. И чтобы ты погладил меня, посмотрел... Обними меня! Ну, пожалуйста! И больше ничего не надо делать, ладно? Хочешь на меня посмотреть?

В мгновение ока она скинула с себя комбинацию, стояла теперь перед ним во всей своей юной нетронутой красе.

«Зараза, что делает, а! Что делает». Реут вмиг вспотел, не решался протянуть руки, исполнить то, чего хотелось Катьке.

– Но... твоя мать, – выдавил он. – Вдруг узнает? Она же... она мешает нам, поняла?

Катька, казалось, ничего не слышала, хотя и мотала головой, была настойчива, взяла его за пальцы, потянула к своей груди. Грудки у нее были маленькие, далеко еще не оформившиеся, с острыми сосками.

От блаженства Катька прикрыла глаза, откинула голову, повторяла полупшепотом:

– Вот, значит, это как... Вот, значит, чего хотят женщины... И в книжках так пишут, да-а... Гладь еще, Николая, гладь! Мне так хорошо, приятно-о... А мама не узнает, я же сказала тебе! И чего она мешает? Ее же нет дома!

Он опустил ладони на талию Катьки, на бедра, коснулся курчавого лобка, и она тотчас открыла глаза, шлепнула его по рукам:

– Нельзя! Я просила тебя только целовать и гладить.

– Да ты разве не понимаешь, дурочка? До такого состояния человека довела, а теперь... Ты погляди, что ты со мной сделала!

Она глянула на его оттопырившиеся трусы, схватила вдруг комбинацию и со смехом выбежала из комнаты.

Реут ринулся за ней в спальню, но дверь перед самым его носом захлопнулась, шелкнула задвижка.

Он скрипнул зубами, сел у двери на корточки. Взывал:

– Катя! Катюша, открой, деточка, слышишь?

Из-за двери донесся насмешливый хохоток:

– Нельзя, папочка, что ты! Я переодеваюсь. А как можно мужчине входить к молоденькой девушке в такой момент?!

Через минуту-другую Катька вышла как ни в чем не бывало: в строгом летнем платье, со строгими глазами. Осуждающе глянула на Реута:

– Папочка, почему ты не одет? Это неприлично – ходить по дому в одних трусах. Ты не находишь?!

Он стоял перед ней с глупо и смешно открытым ртом.

– Я... Я...

– Ты. Ты, – соглашалась с ним Катька. – Оденься и будем завтракать. Маман оставила еду на столе, я видела. А потом ты поедешь на работу, отремонтировать свой грузовик. Я все правильно говорю?

– И ведешь себя правильно, – в тон сказал Реут. Он ушел к себе, натягивал штаны. Желваки играли на его заострившихся скулах. Если бы кто знал, какого усилия стоило ему сдерживать себя в этот момент!

«Ладно, за тебя кто-то заплатит, сопля зеленая, садистка, – мрачно думал он, умываясь, не в силах унять в себе бешеную страсть. – И заплатит сегодня же».

– Мы кататься поедем, Николая? – спросила Катька уже за столом, уписывая за обе щеки бутерброды с сыром, которые она очень любила. – Смотри, день какой!

– Сегодня не получится, Кэт. Работы много, я поздно вернусь. Давай в субботу, а?

– В субботу маман на рынок собиралась. Мне туфли нужны, старые... ну, у них каблук сломались. Свозишь нас?

– Конечно, о чем речь.

– А кататься когда?

– В воскресенье, к вечеру. С утра огород, ты же знаешь. Полить надо, прополка.

– Да зна-аю... – протянула Катька и совсем поскуучнела. Работать на огороде она не любила, а если сказать точнее, то терпеть не могла эту проклятую тяпку и сорняки.

* * *

Повозившись часа полтора-два с мотором ЗИЛа, Реут закрыл бокс, сел в «жигуленок» и укатил. Механику сказал, что поехал за пульверизатором к своему знакомому, завтра надо красить кабину, грунтовка уже подсохла. Механик, лысый, с вечно сонным лицом мужичок, махнул рукой – делай как знаешь.

Реут в самом деле заехал к знакомому парню, но того не оказалось дома, калитка в железных воротах была заперта. Соседская старуха, сидевшая на скамейке у своего дома, сказала, что «Васька токо што ушел, а куда – Бог ево знает».

– Ты скажи ему, что Реутов Николай заезжал, я к вечеру еще приеду, – велел он бабке. – Нужен он мне.

– Ладно, ладно, – застряла та сухой маленькой головой в белом платочке. – Скажу, мне не чижало.

Теперь до вечера он был свободен. Подумал, что именно будет говорить ментам о проведенном нынче дне: стоял на ремонте, искал хороший пульверизатор, съездил на реку искупаться. Практически везде были люди, которые видели его и могут это подтвердить. Во всяком случае, он постарается попасться нужным его будущим свидетелям на глаза, об алиби он теперь должен думать постоянно.

А теперь – в путь. В поселок Николаевский, в Волгоградскую область, на охоту. Реут знал, что оттуда на попутных машинах (и на автобусах, конечно) люди едут в Бабурино, к железной дороге. Автобус ходит редко, два раза в день, и многим ждать его невтерпех.

«Жигуленок», отрада души и бессловесный раб, в какие-то полчаса перенес его на окраину Николаевского, где Реут и устроился на обочине шоссе, подняв капот и сделав вид, что ремонтируется. Место это, у водокачки, он выбрал не случайно: в центр поселка ехать было незачем; те, кому надо в Бабурино, приходят именно сюда, здесь и голосуют проезжающим машинам. Из кабины ЗИЛа он наблюдал эту картину не раз. Бывало, и сам подвозил, когда приезжал сюда, в Николаевский, по делам райпотребсоюза. К тому же у водокачки – безлюдье, нет случайных, слишком наблюдательных глаз. А человек потом может сказать: да, я видел, как женщина села в «Жигули» цвета «морская волна» шестой модели и уехала в сторону Бабурина.

Ждать ему пришлось около часу. Стояла жара, воздух был сухой, раскаленный. Хорошо, что он догадался взять с собой воды – глотал из пластиковой бутылки каждые пять минут.

Подошла какая-то невзрачная колченогая бабенка с затертой матерчатой сумкой в руках, спросила, не подвезет ли он ее до поворота на хутор Дубравки. Реут оглядел бабенку с головы до ног, поморщился – сажать такую кикимору в машину с новыми, «под леопарда», чехлами?! Да от нее несет фермой, коровами, неделю потом запах из салона не выветрится.

– Нет, – сказал он. – Я поломался, видишь? – И кивнул на поднятый капот.

Женщина ушла. Скоро ей, правда, повезло – подобрала катившая мимо «Газель» с синим пыльным тентом.

А вскоре появилась та, которую Реут так нетерпеливо ждал: молоденькая дама с собачкой. Катил сумку на колесиках, а собачка, белая нарядная болонка, бежала рядом, привязанная к ручке тележки за длинный кожаный поводок.

Сердце Реута дрогнуло – пора действовать! Потенциальной его пассажирке на вид можно было дать лет двадцать, может, чуть больше. Легкие, кремового цвета брючки обтягивали ее пухленькие бедра, выгодно подчеркивали талию, крепкая высокая грудь распирала белую блузку, на шее посверкивала золотая цепочка. Часть лица девушки скрывали большие противосолнечные очки, глаз за ними не было видно, но искусно покрашенные губы растянулись в приветливую белозубую улыбку, когда Реут подошел и спросил: куда это такая милая собачка собралась ехать?

Болонка подняла на Реута острую мордочку и настороженно тьякнула. А девушка засмеялась:

– Нам надо в Бабурино, к поезду. Подвезете?

– Как раз туда и еду. Садитесь.

Они быстро договорились о цене, Реут намеренно запросил таксу пониже, чтобы не отпугнуть пассажирку, положил ее сумку-тележку в багажник, а перед болонкой распахнул заднюю дверцу:

– Прыгай, волкодав!

Болонка отчего-то заупрячилась, забираться в машину не хотела, и девушка взяла ее на руки, села.

– Путешествуете на пару? – спросил Реут, трогая машину и бросая по сторонам внимательные взгляды. Успокоился – на дороге и возле водокачки никого не было, никто не сидел и у близлежащих домов. Окраина поселка как бы вымерла.

– К маме в гости приезжала, – сказала девушка. – Лекарства привозила. У нее ноги больные, еле ходит. Хотела проводить меня, да я ее отговорила – аж с другого конца сюда идти, с Приовражной. А Барсика не с кем дома было оставить, вот я и прикатила с ним в гости.

– А куда едете, если не секрет? – полюбопытствовал Реут, чтобы завязать непринужденный дорожный разговор и как-то расположить к себе пассажирку.

– Да какой секрет! В Москву еду. Живу там. Поступала в свое время в институт имени Плеханова, может, слышали?

– Да нет. – Реут повел плечами. – Не приходилось. В Москве я один раз был, проездом, еще пацаном.

– Ну как же! – с жаром воскликнула пассажирка. – Плехановка – это знаменитый институт, оттуда многие видные экономисты вышли!

– А вы тоже знаменитый экономист?

Она смутилась, но ненадолго.

– Нет. Я по конкурсу не прошла, баллов не набрала. А потом на работу там устроилась, замуж вышла. Я ваша коллега, водитель. Троллейбусы по Садовому кольцу гоняю.

– Сложно по Москве ездить?

– Сложно. Транспорта много и с каждым годом все больше. Пробки, столкновения, конфликты с гаишниками. Но у меня с милицией конфликтов не бывает. Если правила соблюдаешь, то они не придираются.

– Да женщины вообще аккуратно ездят, – Реут сделал коллеге комплимент, разглядывая в зеркало заднего вида ее гладко причесанную русую голову. Она по-прежнему сидела в очках, смотрела на дорогу, положив руки на спинку переднего сиденья. Реут увидел на одном из ее пальцев кольцо, спросил:

– Муж тоже, наверное, в троллейбусном депо работает?

– А как вы догадались?

– Ну, это просто. Приехала девушка из российской глубинки в столицу, поступать в вуз. Не поступила, а уезжать назад не хочется, в Николаевском жить скучно. Познакомилась с парнем, они понравились друг другу, он помог ей устроиться на работу к себе в депо, сначала ей общежитие дали, а потом... Колечко. Обручальное.

Девушка похлопала в ладошки:

– Ай да Шерлок Холмс! Вы, случайно, не из милиции?

– Нет. Но друзья у меня там есть. Кстати, меня зовут Николай. А вас?

– Оксана.

– А вашего волкодава, значит, Барсик?

– Ага. – Она затормошила болонку, снова положила его к себе на колени, чмокнула в черную пуговку носа. – Притих что-то, дрожит. Чужая, видно... Вообще-то он у нас в машине ездит, у мужа есть старенькая «Ауди», но бегает хорошо.

– У иномарок ресурс большой, не то что у наших.

– У вас приличная машина, новая. Я посмотрела. Давно купили?

– Года два. Новая, конечно, ездить можно. Но расходов и на новую будь здоров: бензин, техобслуживание. Вот езжу, подрабатываю. Сюда, в Николаевский, людей привез, теперь вот вам понадобится.

– Да, жить сейчас тяжело, – вздохнула Оксана. – Дорого все. В Москве особенно. Говорят, у нас самый дорогой в мире город, представляете? Приходится каждую копейку считать...

Реут слушал, кивал, соглашался: конечно, здесь, в сельской местности, жить проще, огород выручает, зато вы, москвичи, культурно живете, метро там у вас, театры... Машину не гнал, присматривался уже к лесу, что справа, – именно туда и планировал свернуть, приглядел место.

На дороге – ни впереди, ни сзади – никого.

Отлично!

Сбавил скорость, крутанул руль вправо, покатыл по едва приметной колее к лесу.

– Вы куда это, Николай? – Пассажирка обеспокоенно завертела головой, сняла очки. Встревоженные ее глаза Реут хорошо сейчас видел в зеркале.

– Оксана, ты извини... живот прихватило, спасу нет. Сейчас, на минутку... Пойми как водитель водителя.

Пока Реут говорил эти и другие слова, «жигуленок» вбежал уже под кроны берез, с дороги машину теперь не было видно.

– Я сейчас, я быстро.

Реут заглушил двигатель, повернулся к пассажирке:

– Ну вот, а теперь давай поговорим. Москву свою хочешь еще увидеть?

Оксана вскипела:

– Что еще за вопрос?! Давай-ка, Николай, или как там тебя зовут на самом деле, разворачивай к шоссе. Я опаздываю на поезд.

– Я же у тебя спросил, Оксана: жить хочешь?

– Разумеется!

– Тогда делай, что я скажу.

– Например?

– Раздаться.

– А-а, понятно. А вот этого не хочешь? – Она сунула ему под нос кукиш.

Реут рванул из ее рук болонку, сдавил ей горло. Болонка отчаянно вырывалась, царапалась, но он держал ее крепко.

– Пусти! Бандит! Что ты делаешь?! Ему больно! – Девушка была вне себя. Стала хвататься за ручки дверцы, чтобы выскочить, но никак не находила нужную ей – ее просто не было. Тогда она стала вырывать несчастного своего Барсика из рук мучителя, но Реут держал болонку как в тисках, у собачонки уже вывалился наружу посиневший язык и стекленели глаза. Реут смеялся, уворачивался от крашенных ногтей Оксаны, берег лицо – не хватало еще, чтобы она подрала его, оправдываясь потом дома, перед женой и той же Катькой: бабы быстренько сообразят, что к чему.

– Смотри, смотри на свою псину, – злорадно говорил он. – И с тобой то же сделаю, если прыти не убавишь. И не надейся, убежать тебе все равно не удастся.

– Сволочь! Мразь! – Оксана, зажав лицо ладонями, забилась в угол.

– Раздаться, – бесстрастно проговорил Реут. – Давай по-хорошему. Никто же не узнает.

– Нет!.. Нет!.. Как ты смеешь, ублюдок? У меня есть муж, я...

Он схватил ее за шею железными своими пальцами. Оксана придушенно вскрикнула, вцепилась ему в волосы, отжимала его руки. Сила в ней чувствовалась, смертельная опасность удесятерила ее, и все же, все же... Женщина боролась с опытным мужиком, убийцей. Тот, казалось, предвидел все ее движения.

– Тебе же хуже будет, дура! – шипел Реут, бешено глядя ей в лицо расширившимися зрачками. – Пусти руки! Разденься, я сказал! Ну!

– Гад!.. Гад!.. Ты специально ждал... кого-нибудь...

– Ждал, да. Ты мне понравилась. И тебе не повезло. Но еще не все потеряно, у тебя есть шанс. Подумай. Каких-то полчаса удовольствий... И ты сама, чего отказываешься?.. Потом я тебя бесплатно к поезду отвезу, поняла?

– Нет!.. Пусти, мне больно! Ты ответишь за это, мразь!

– Ну, раз так...

Он еще сильнее сжал ее горло, Оксана захрипела и на какое-то время потеряла сознание. Тогда Реут вышел из машины, открыл заднюю правую дверцу, положил свою жертву на сиденье и стал стягивать с нее брюки. Взгромоздился на полузадушенную фемину, подумал вдруг о Катьке: «Вот видишь, что ты наделала!»

Оксана пришла в себя, закричала, стала сталкивать Реута, и тогда он снова даванул. Скоро все было кончено.

Оксана не подавала признаков жизни. Он приложил ухо к ее груди – сердце девушки еле-еле билось.

– Поцарапала-таки, стерва! – зло бормотнул Реут, чувствуя легкую боль на щеке. Глянул в зеркало – так и есть, царапина, внушительная алая полоса. Придется что-то придумывать, говорить, мол, в гараже зацепился за краник... или, лучше, за хомутик на патрубке, это бывает.

Здесь же, в двух шагах от машины, Реут выкопал живой еще жертве неглубокую яму. Раздел Оксану догола, полюбовался ее ладным белым телом, положил его в яму.

Через несколько минут от могилы и следа не осталось. Разровнял землю, присыпал прошлогодними листьями бугорок, потоптался на нем. Кто тут теперь чего найдет?

Поковырялся в сумке пассажирки – ничего особенного: косметичка, мыльница и полотенце, белье, домашний халат и тапочки, банки с вареньем, свернутая газета... Паспорт, четыреста тридцать рублей денег, записная книжка с московскими адресами и номерами телефонов.

Кто ими теперь воспользуется?

Пропала без вести еще одна невинная душа, Оксана Григорьевна Иванченко, двадцати двух лет от роду, замужняя, уроженка поселка Николаевский Волгоградской области, москвичка.

Выезжая снова на шоссе, Реут прикинул, где ему ловчее выбросить или утопить сумку с вещами. Вспомнил, что впереди, слева, есть болотце, пересохшая речонка. Там он сумку и утопит.

Еще подумал, что, кажется, земля шевелилась в том месте, где он закопал Оксану.

Вернуться? Застраховать себя?

Нет, не вернулся. Из могил никому еще не удавалось воссоздать. Он положил фемину лицом вниз, она задохнется в любом случае, даже если и придет в себя. И земли сверху достаточно. Тяжело.

Нет-нет, не стоит ему беспокоиться. Давайте-ка, лошадки, поднажмем. Надо же к Ваське, за пульверизатором. За алиби. Два с половиной часа, которые он, Реут, потерял, не такое уже большое время. Главное, никто не видел, как эта девка с собачкой садилась в его «жигуль». И кинутся ее искать не скоро. Муж думает, что она у матери, а мать знает, что Оксана уехала в Москву.

Веселей, лошадки! Шоссе ровное, гладкое, отчего не прижать под 100? Дело сделано. Трепещите, фемины! Это дело – не последнее. Не одна из вас еще канет в безвестность!

* * *

Катька-Катрин подарку – белоснежной нарядной болонке – очень обрадовалась.

– Ой, какая собачка-а, – пропела она. – Ты где взял ее, Николая?

– А на дороге. Еду – смотрю, сидит. Бросил, наверное, кто-нибудь. Сейчас многие собак и кошек в городе бросают. Кормить надо, ухаживать.

– Ой, ну как можно такую прелесть выбрасывать?! Ты смотри, какие у нее глазки – просто бусинки.

– Это кобелек, Катюша. – Реут чуть не брякнул «Барсик», но вовремя спохватился.

– От нее и пахнет так хорошо, – Катька потянула носом. – Женские какие-то духи... точно!

– И женщины собак выбрасывают, – гнул свою линию Николай. – Мало ли, поигралась дамочка да и выбросила. Надоела. Или гадить в квартире стала.

– Ладно, пусть у меня живет. Я ее приучу. – Катька чмокнула болонку в черный нос. – А дрожит, а дрожит... Ну что ты, лапушка, успокойся. Теперь ты у меня будешь жить, не бойся ничего. Я тебя не буду выбрасывать. Ты меня охранять будешь, поняла? Будешь у меня на коврик перед диваном спать... Ой, Николая, а у нее тут на ошейнике написано что-то.

– Где? – Реут напрягся, рванул болонку к себе.

– Тише ты, Николая, тише!.. Вот, видишь?

На ошейнике, на медной бляшке, значилось: «БАРСИК.О. И-ко. 926—12—34».

– Ну, это надо снять, – сказал Реут. – Выбросили – значит выбросили. Нечего...

– А может, позвонить, Николая? – спросила Катька. – Это ж телефон, наверное.

– Слушай, я ее сейчас возьму и... – У Реута ходили по скулам желваки. – Привез тебе – играйся, раз нравится. А нет...

– Хорошо-хорошо, чего ты так разволновался, Николая? – Катька тронула его за руку. – Я просто так, подумала... И правда что: раз бросили, кому она нужна, эта собачка?! А мне она нравится. Пойдем, Барсик, я тебя покормлю.

– погоди, – Реут снял с болонки ошейник. – Пусть так бегаёт. Зачем этому Барсику какой-то телефон? Звонить-то он не умеет, слава богу.

Катька кивнула, засмеялась. Шутка отчима ей понравилась. Представила вдруг, как Барсик пушистой белой лапой накручивает диск телефона, и залилась пуще прежнего. В шестнадцать лет девушки так смешливы и жизнерадостны: покажи ей пальчик, пошевели перед конопатым носом – до вечера будет смеяться.

– Ты назови пса как-нибудь по-другому, – мрачно посоветовал Реут – он уже пожалел, что привез болонку. – Пусть забудет ту хозяйку. У него ведь новая жизнь начинается.

– Ладно, я подумаю, Николая, – легко отвечала Катька-Катрин. – Может, и назову.

Ей запомнилась тревога в глазах отчима. Отчего бы это? Нашел на дороге собачку, привез ей в подарок...

– Пошли, Барсик, пошли. Сейчас я дам тебе что-нибудь вкусненькое. В холодильнике у мамы полно всякой еды.

Оксану Иванченко хватились быстро: муж встречал поезд, которым она должна была приехать в Москву, уже через час он позвонил в Николаевский, мать Оксаны вызвали на переговорный пункт, с той случилась истерика, когда она узнала о пропавшей дочери, а еще через

час ее допрашивал участковый. Правда, по милицеским правилам пропавшую без вести начинают искать через три дня, но участковый знал об убийствах молодых женщин – имел контакты с Бабуриным РОВД – и сейчас же сообщил об этом дежурному. Тот незамедлительно передал информацию в уголовный розыск, и через пять минут Сидорчук читал сообщение. Конечно, формально сыщик имел право просто принять к сведению эту информацию: девушка пропала в соседней области, пропала только вчера, могла вдруг и объявиться в Москве (села на другой поезд, потому муж и не встретил ее), но чутье подсказало подполковнику, что надо действовать, причем быстро. Тот (или те), кого они ищут, вполне мог выехать в Николаевский, для автомобиля сорок километров – пустяк, зато зона преступлений расширяется, а следовательно, усложняются поиски. Сейчас, в мыслях, Сидорчук как бы становился на место маньяка, думал за него, проигрывал в воображении варианты преступлений. Да, поездка в соседнюю область – ход хороший, ниточка в Бабурино как бы обрывалась, пропавшей без вести должны будут заниматься другие люди, из волгоградской милиции, но, пока раскрутится тяжеловесный маховик розыска, время уйдет, следы остынут. Вполне может быть, что они, опергруппа Сидорчука, зря потратят время в Николаевском, ничего интересного, связанного с «их» преступником, они не узнают, но Сидорчук уже об этом не думал: он, майор Елецких и лейтенант Макашов катили на «жигуленке» в нужный им поселок.

По дороге Макашов рассказывал о своей поездке в Придонск, на базу облпотребсоюза, где очень скрупулезно допросил нескольких кладовщиков и конторских, оформляющих документы на грузы, в частности сантехнику, которую вез Реутов. Удалось более или менее точно установить время убытия его ЗИЛа – четырнадцать часов, о минутах речь, разумеется, не шла, никто их не помнил, не обращал на это внимания. Охранник на воротах (ему отчего-то запомнился голубой ЗИЛ, доверху нагруженный унитазами, раковинами, смывными бачками и трубами) тоже назвал приблизительное время, записей на воротах не ведется, главное, были бы в порядке накладные...

– Но Реутов не отрицает того, что пробыл в городе еще часа два – два с половиной, Михаил Васильевич, – докладывал Макашов. – Он рассказывал, что по пути заезжал в несколько магазинов, искал запчасти. Магазинов этих в том районе, на Юго-Западе, несколько: на проспекте Патриотов, на Девятого Января, на Южно-Моравской. Все эти магазины, которые он называл, я объехал, спрашивал у продавцов о покупателе с такими-то приметам, показывал фотографию. Практически никто ничего не помнит. Покупателей хоть и немного сейчас в магазинах, но в памяти ни у кого Реутов не остался.

– А вы спрашивали у него, что именно он покупал? – уточнил Сидорчук. Он сидел на правом переднем сиденье, вполуоборот к Макашову.

– Спрашивал, Михаил Васильевич. Мелочовку он искал: какие-то сальники, сайлент-блоки для «Жигулей», лампочки. Все это можно в руках унести.

– Вот слова «какие-то», Сережа, употреблять не надо. – Сидорчук сидел хмурый, усталый. Второй месяц он (да и вся его группа) практически безвылазно сидит в Бабурином районе, за это время опросили сотни людей, исписали горы бумаги, против четырех подозреваемых возбудили уголовные дела, но расследование вперед не двигалось. Доказать вину этим четверым вряд ли удастся, и Сидорчук, и следователь прокуратуры Попов это понимали, но оба они все же надеялись, что в процессе допросов удастся выловить нечто существенное, повезет ухватить некую ниточку, которая и выведет их на маньяка. Все в группе хорошо теперь понимали, что действует одиночка, хитрый и расчетливый преступник, обдумывающий каждый свой шаг, обеспечивающий себе надежное алиби. Им, этим хитромудрым убийцей, мог быть любой из шести серьезно подозреваемых людей (к четверым фамилиям, какие Реутов назвал Макашову, приплюсовали и самого Реутова, и того же Колычева, несостоявшегося жениха Глухой), но у тех, кто находился сейчас в СИЗО, были самые железные алиби, а Реутов, как

выяснилось, активно помогал милиции – и фамилии сообщал, и о «макарове» Хуторянской стукнул...

– Приблизительности наше дело не терпит, – продолжал Сидорчук. – Сыщику надо быть педантом. Если вы допрашивали Реутова, то надо совершенно четко знать: какие именно детали, где и у кого он покупал. Это очень важно! Честный человек хоть на десяти допросах назовет одно и то же. А преступник, искусственно создающий себе алиби, все равно ошибется.

– Виноват, товарищ подполковник. Не учел. – Сидорчук помолчал.

– Жаль, время упущено. Продавцы, конечно, что теперь могут вспомнить?! А вот по факту гибели Риммы Гришиной у нас, мне кажется, есть шанс, с Реутовым надо поработать.

– У него в этот день просто железобетонное алиби, Михаил Васильевич, – подал голос Елецких. Он вел машину легко, мастерски, время от времени поглядывал в зеркала заднего вида. Шоссе на Николаевской трассе было сейчас пустынным, выходной день. Профессиональные водители, наверное, отдыхали, автолюбителей встречалось мало, одни они, сыщики, мчались сейчас в неизвестность, не знали покоя.

– Мы с Сережей буквально по минутам просчитали его рабочий день, – продолжал Елецких. – Все сходится. В доме Гришиных он не мог быть, не успевал. С Хуторянской они расстались в восемнадцать тридцать, через пятнадцать – двадцать минут он, Реутов, звонил Малыгину про «макаров», потом заехал в магазин, купил рыбу и пиво, по его показаниям, закусывал в кабине, потом поехал на базу райпотребсоюза, точнее на склад, под разгрузку. Его появление там в девятнадцать пятьдесят подтверждают завскладом и грузчики.

– Сколько, вы говорите, он потратил времени на магазин?

– Он показал, что сначала закусывал минут пятнадцать, потом возился со шлангом топливного насоса: тот потерялся на сгибе, подсасывал воздух, двигатель работал плохо.

– От магазина до дома Гришиных далеко?

– Нет, около десяти минут хода.

– Десять минут туда, десять минут обратно... – думал вслух Сидорчук. – Если идти быстро или даже бежать, время можно сократить вдвое. Несколько минут требуется, чтобы убить человека, в данном случае задушить.

– Гришина была еще и изнасилована, – напомнил Елецких. – А для этого время тоже требуется.

– Да-да, конечно. – Сидорчук что-то напряженно обдумывал.

– Нет, это какая-то фантастика получается, товарищ подполковник! – горячился Макашов. – Не мог Реутов в какие-то считанные минуты все это сделать! Быть в одно время и у магазина, и в доме Гришиных, и звонить в это же время в милицию!

– Теоретически не мог, Сережа, – согласился Сидорчук. – А практически... Хотя и практически, получается, не мог. М-да-а... Значит, изнасиловал и убил Римму Гришину кто-то другой. Да.

Неказистого вида их «жигуленок» тем временем вбежал в поселок Николаевский, миновал окраину, водокачку, покатил в центр, к зданию администрации, где ждал придонских сыщиков участковый, капитан Харин.

Милиционеры сразу взялись за дело.

– Оксана Иванченко ушла из дома примерно в половине первого дня, – докладывал Харин, вертя в пальцах карандаш. Сидел он на стуле как-то очень прямо, словно оберегал недавно сшитую форму, которую он, надо думать, любил и гордился ею: выглядела она на Харине ловко, элегантно. И сам он был чисто выбрит и аккуратно подстрижен. Все это говорило о том, что здешний участковый придавал большое значение своему внешнему виду, относился к службе очень серьезно. – Мать ее не провожала, больна ногами. На чем уехала Оксана, никто из опрошенных мною не видел. Уезжала она, вероятнее всего, с окраины Николаевского, от водокачки – там обычно садятся на попутные машины. Но сесть в машину она, конечно, могла

и здесь, в центре – кому как повезет. Люди не хотят ждать автобуса, особенно те, кто стремится в Бабурино, к поезду.

– О машинах, какие побывали здесь вчера, что-нибудь можете сказать, капитан? – спросил Сидорчук. Тот со вздохом пожал плечами.

– Что можно сказать? Кому придет в голову записывать номера машин, которые подвозят попутчиков? Живая ведь жизнь: поднял руку, сел, поехал... Машин у нас бывает много, за всеми не уследишь, да и нужды в этом нет. Сейчас, разумеется, придется восстанавливать кое-что, спрашивать людей. Но я бы все же не торопился, товарищ подполковник. Хотя бы сутки еще подождать: а вдруг Иванченко объявится там, в Москве? Найдется?

– Может, и найдется. – Сидорчук, глядя в окно, на сонную, разомлевшую в жаре поселковую площадь с низкорослым бронзовым Лениным, барабанил пальцами по крышке стола, за которым сидел, думал. – Но у нас своя ситуация. И если мы подарим эти сутки нашему Чикатило... Остынут следы, капитан, вы это понимаете не хуже меня. Версию нужно отработать. Машины, которые были здесь, в поселке, вчера, придется поискать. Мне с вашим начальством надо договариваться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.